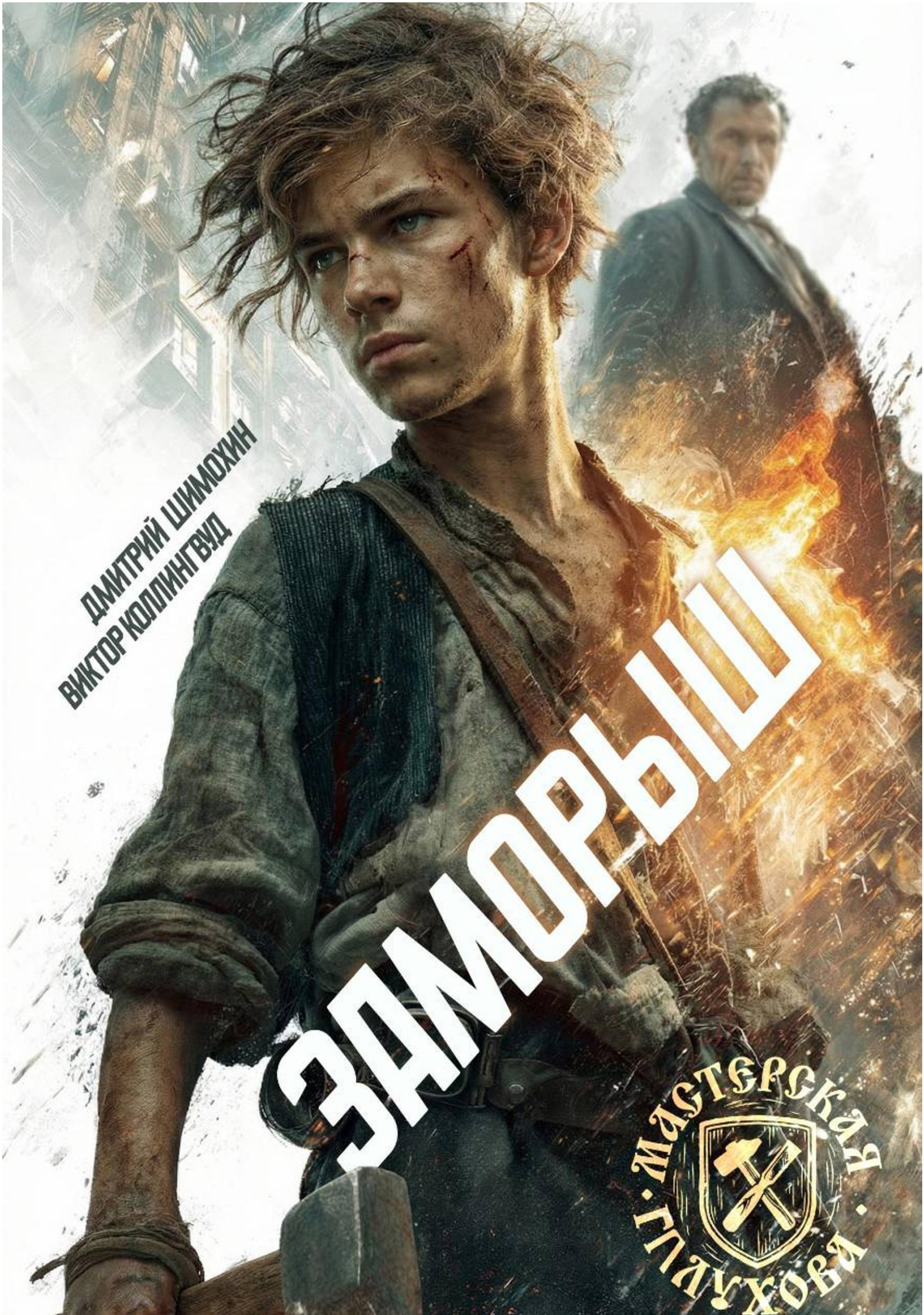

ДМИТРИЙ ШИМОХИН
ВИКТОР КОЛЛИНГВУД
ЗАМОРЫШ
Мастерская Духова

Пришлый

Дмитрий Шимохин

Заморыш

«автор»
«Автор»
2026

Шимохин Д.

Заморыш / Д. Шимохин — «автор», «Автор», 2026 — (Пришлый)

Я подорвал себя, чтобы красиво сдохнуть в Рио и забрать с собой врагов, а очнулся нет, не в аду. Вокруг — имперский Петербург 1888 года и серые стены приюта. И теперь я, Сенька Тропарев. Сирота, «щенок». Тело заморенного пацана, пробитая голова и чужие воспоминания о голодном детстве. Но у меня остался опыт, злость и хватка человека, прошедшего Афган и 90-е . Новая жизнь. Старые правила.

© Шимохин Д., 2026
© автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 10
Глава 3 17
Глава 4 23
Глава 5 30
Глава 6 35
Глава 7 40
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Дмитрий Шимохин, Виктор Коллингвуд
Заморыш

Пролог

Я всегда знал, что умру не в своей постели. Но, черт возьми, вид с моей террасы в Рио стоил того, чтобы поспорить с судьбой.

Океан, сливающийся с небом, и трущобы-фавелы, карабкающиеся по склонам вверх.

— ...всю Грецию, сука, перевернули, Саныч! *Всю!* — Голос был мягкий, вкрадчивый. Но я хорошо знал этот бархат.

Сидя в плетеном кресле, в тени, я смотрел, как Вадим — или Лютый, мерил шагами раскаленную плитку. Двое его помощников стояли у входа во двор. Напряженные, потные, в пиджаках с оттопыренными на боках.

— Мы думали, ты на Кипре залег. В олигарха играешь. А ты... — он обвел рукой мою скромную, но хорошо укрепленную виллу. — В фавелы подался. Шеф, когда узнал, даже не поверил, а потом ржал.

Я лениво повел плечом.

— А что, плохой вид? Кондиционер тянет, кайпиринья ледяная.

Лютый криво усмехнулся.

— Ты не юли, Саныч. Мы ж тебя тут не сразу нашли. Думали, по-тихому через полицию пробить. Хрен там. Пришлось с местными говорить. С этими... Команда Вермишель... или как их там.

— **Командо Вермелью,** — поправил я. — Красная Команда. Душевные ребята. Почти как наши, люберецкие, в конце восьмидесятых.

— Вот-вот, — скривился Лютый. — Шеф им столько зелени отвалил за информацию, что на эти деньги можно было все фавелы купить. А ты, оказывается, рядышком. Тебе вообще понравилось, Саныч? Жизнь в трущобах? Обезьяны, самба, вот это всё?

Он явно издевался, пытался выбить меня из равновесия.

— А чего ж не понравиться? — я пожал плечами, делая глоток ледяного коктейля. — Экзотика. Тепло. Фрукты круглый год. Обезьяны, правда, воруют, заразы. Но в остальном — пенсия. Настоящая. Тебе тоже советую, когда-нибудь. Если доживешь.

Он перестал улыбаться.

— Кончай паясничать. А знаешь, где прокололся, Саныч? — он достал сигарету. — Блогер. Какая-то сучка с камерой снимала карнавал. И ты на две секунды попал в кадр. Две. Секунды. Новая программа по распознаванию лиц. У шефа теперь лучшие игрушки.

— Прогресс, — кивнул я. — Страшная штука.

— Так вот, — он глубоко затянулся. — На хрен, Саныч? Ну вот *на хрен*? Ты же... авторитетом был. Уважаемый человек. Все при тебе. И так слинять? Из-за чего?

Из-за чего...

Я усмехнулся про себя. Он не поймет. Он еще молодой, голодный. А я — старый. И сытый. Вернее - нахлебавшийся по уши.

Я хорошо помнил, как вернулся из Афгана. Молодой, злой, умеющий только убивать. А страна как раз вошла в штопор. Другого пути для амбициозного и местами глупого парня с боевым опытом не было. Я попал в струю. В плохую компанию.

Прошли годы. Я вырос. Поумнел и понял: уважаемый человек — это просто мишень, на которую пока не нашли нужную пулю. Меня могли убрать свои, чтобы не делиться. Могли убрать чужие. А могли — и новые государственники, подчищающие следы.

Я устал!

Сделал паспорта, обналичил часть и свалил. А флешка... О, флешка — это чистая случайность. Мой рефлекс прихватить то, что плохо лежит. А на ней оказались пароли и счета с офшоров. Не мои. Его. Я даже не знал, что на ней, пока не открыл ее в Каракасе. Это был мой смертный приговор и золотой билет в одном флаконе.

Я мотался по миру, путал следы и осел здесь.

Бразилия оказалась идеальным место. Тихим и спокойным если есть деньги. А коррупция такая, что за деньги тебе найдут что угодно и мать родную продадут.

Но было один нюанс, эта вилла, кроме отменного вида на океан, еще была ловушкой, и возможно моей могилой. Идеальной, сделанной на заказ. Местные спецы за хороший гонорар заложили под фундамент и в несущие стены, в том числе под эту самую террасу столько взрывчатки, что хватило бы на небольшой квартал.

— Так что, Саныч? — Лютый докурил и бросил бычок на плитку. — Шеф велел спросить. *Флешка* где? Отдай по-хорошему. Шеф простит. Может быть.

Я медленно перевел на него взгляд.

— Флешка? — я изобразил удивление. — Ах, эта... Так я ее в океан выкинул. Сразу.

— Не верю, — отрезал Лютый.

— А зря, — я вздохнул. — Знаешь, ты прав. Скучно тут стало. Одно и то же. Океан, обезьяны, карнавалы и бразильские жопы... Спасибо, что приехали. Развлекли старика!

Лютый напрягся. Он не был дураком - понял, что я не шучу. И что я его не боюсь.

— Что ты...

— Ты вот спросил, Вадим, нравится ли мне вид. А я отвечу: вид отсюда просто убийственный. Насладись моментом!

Я видел, как его глаза расширились. Понял, значит. Его рука дернулась к кобуре, а помощники как по команде рванули вперед.

Поздно.

Мой палец уже лежал на маленькой кнопке пульта.

Я нажал.

Взрыва я не услышал. Просто вспыхнул белый свет.

Глава 1

Голова гудела. Сознание возвращалось нехотя, цепляясь за боль и обрывки чужих голосов.

— ...говорю тебе, не жилец! Прибил ты его, Семён.

— Молчи, дурак. Дышит он. Ничаго, отойдет! Просто поучил малость. Я ж не со зла...

Голоса были мужские, низкие.

Попытка открыть глаза провалилась. Веки будто свинцом налили.

— ...да какая разница, со зла или нет?

— Да он заготовку-то запорол сопляк! Я ему сколько раз показывал, как сувальду точить! А он... Криворукий.

Чего? Сувальд? Какой, к черту, сувальд?

Последнее, что помню как нажимал на кнопку. А этих двух хмырей в упор не помню. Не было их.

— Ты вот что, Семён. Если он до вечера не очнется... надо околоточного звать.

— Я из-за этого щенка на каторгу не пойду. Понял меня?

Секунда тишины.

— И что же делать?

— Что-что... Рогожей вон прикроем в углу. А как стемнеет, вытащим да в канаву скинем. Сироты десятками мрут, ну вот и помер еще один. Коли спросят скажем, сбежал. Мало ли их бегает? А ты, Федор, подтвердишь. Или ты со мной в Сибирь из-за паршивца?

Пауза. Долгая. Слышно было только, как где-то что-то скрипит.

— Подтвержу...

Усилием я заставил себя разлепить веки. Сначала правый, потом левый. Левый почему-то открылся с трудом и видел будто через пелену.

Мир ворвался мутной, расфокусированной картинкой. Пришлось моргнуть несколько раз.

Картина прояснилась.

Я лежал на боку, на чем-то пыльном и жестком. Вокруг была... комната. Небольшие окна почти под потолком, сквозь которые косыми столбами, высвечивая миллионы пляшущих в воздухе пылинок, падал солнечный свет. Пахло так же, как и слышалось: масло, металл, кислый угольный дым. Какая-то мастерская.

Под потолком тянулся длинный вал, от которого к стоявшим рядами станкам шли приводные ремни. Все очень странное и словно из музея.

В десяти шагах от меня, возле большого верстака, стояли двое. Тот, что повыше и шире в плечах, зло шипел, тыкая пальцем в сторону двери. Второй был сутулый, только и мотал головой и огрызался в ответ. Они спорили, но уже шепотом.

Что это за клоунада?

Мужики были одеты... странно. Грубые рубахи, кажется косоворотки, жилеты и сапоги. Херня какая-то. Ряженые поди.

Почему-то вспомнили школьные времена, как нас водили в театр, на пьесу Дядя Ваня. Такой же прикид был у актеров.

Это явно не Бразилия. И слишком дикие тут обезьяны… И точно не госпиталь.

Голова снова отдала болью, возвращая к реальности. Я медленно, стараясь не шуметь, повел рукой к затылку. Пальцы нащупали волосы, слипшиеся от чего-то теплого и вязкого. Кровь. Запекшаяся и свежая. Рана саднила.

Я опустил руку, чтобы рассмотреть кровь.

Это была чужая рука! Не моя! Тощая, грязная, с обкусанными ногтями. Я глянул на вторую. Такая же.

Эти... эти руки мальчишеские. Кожа на костяшках сбита, в красных, воспаленных цыпках от холода и грязной работы. Под ногтями въевшаяся грязь. Я сжал кулак. Слабый. Непривычный и явно не мой.

И в этот миг, чужая жизнь обрушивается на меня. Не как воспоминание, а как потоп.

…Деревня под Москвой. Запах дыма и земли. Низкое, тяжёлое небо. Свежий земляной холмик материнской могилы. И отец, Иван Тропарев, высокий, костлявый мужик. Стоит рядом, сжимает мою руку своей шершавой ладонью.

Эх, Сенька. В город подадимся. В столице деньгА есть.

…Смрадный подвал на Песках. Мы снимаем угол за занавеской. Вокруг нас на нарах еще десятки таких же, приехавших на заработки. Ночью воздух гудит от кашля и плача младенцев, да пьяного храпа. Отец устроился половым в трактир. Каждый день он на последние гроши покупал мыло, чтобы отмыть руки и шею, стирал единственную рубаху. Да неумело вязал черный галстук. Он уходил в темноте и возвращался в темноте. Сначала в его глазах еще теплилась надежда, потом осталась только серая беспросветная усталость. Потом пришла водка. Сначала по праздникам, потом чтобы согреться, потом чтобы забыться.

…Отец, так и не прорвался. Пьяная поножовщина в портовом кабаке из-за пролитой на кого-то кружки. Его нашли под утро в грязном переулке. Одного удара хватило. Раздели догола.

Потом…

Потом - холодный околоток. Равнодушный усатый пристав. Казенная похлебка. И ворота приюта. И было все это десять лет назад!

Воспоминания отступают, оставляя лишь чужую боль.

В голове всплывает имя, не мое, но теперь единственное, что у меня есть. Арсений Тропарев. Ну, то бишь Сеня. Сиротка из приюта князя Шаховского.

— Глянь-ка, Семён. Очухался паршивец. Жив!

Голос принадлежал тому, что был сутулый.

Я дернулся и попытался сесть. Хрен там. Тело не слушалось. Просто какая-то вата. Мышц не чувствую, ноги-руки как неродные

Бородатый мужик, Семен, кажется, облегченно выдохнул. Тот факт, что не придется в ночи таскать трупы по канавам, его обрадовал. Но тут же на физиономии бородача появилась злость. Даже скорее ярость. Так будет точнее.

— Ах ты, падаль! Щенок! — рявкнул он.

Я падаль?! Нормально!

Он собирался меня по-тихому прикопать в канаве, а теперь еще о обзывается? Вот ведь мудак.

— Притворялся, да?! Отдыхать вздумал сучоныш, пока я тут из-за тебя... — Семён наклонился ко мне ближе.

Меня чуть не вывернуло от запаха сивухи.

— Я тебе сейчас устрою, ты у меня пожалеешь, что на свет родился.!

Мозолистая пятерня схватила меня за ухо и дернула вверх.

— А-АЙ! – заорал я против воли, боль прострелила до самого затылка.

Он еще и выворачивал ухо так, что оно моглл оторваться к чертям собачьим.

Я дернулся, пытаясь освободиться. Раз. Два. Куда там. Только еще хуже сделал. От боли аж в глазах потемнело. Семён, не выпуская уха, одним рывком поставил меня на колени.

— Я тебя, гнида, научу заготовки портить! Я тебя научу притворяться!

Он замахнулся для удара, но его руку перехватил второй.

— Постой, Семён!

— Пусти я сказал! — рявкнул бородач, но второй не отступал. Одной рукой сжимал запястье своего дружка, второй тыкал в меня.

— Да он в крови весь, башку ему раскроил! Убьешь ведь дурак, и что тогда?

Семён замер, брезгливо глянул на меня. В итоге ухо все-таки отпустил.

— Тьфу тля... — Он демонстративно вытер руку о штаны. — Пошел вон отседова. Проваливай в свой приют. Считай на сегодня отработал. И чтобы завтра…

Бородач не договорил, махнул рукой и отвернулся. Типа, слов у него не хватает на такого гада как я. Федор просто покачал головой и молча зыркнул глазами в сторону выхода. Намекал, что самое время мне свалить. Пока реально не прибили…

Я поднялся с колен. Меня тут же качнуло в сторону. Ноги дрожали. В голове гул стоял. И слабость.

Слабость была особенно сильной. Ну ясен хрен. Пробитая голова никого не делает здоровее.

Уже перед выходом, прежде, чем переступить порог, я не выдержал, оглянулся. Семен активно делал вид что изучает какую-то деталь. В мою сторону не смотрел.

«Ничего, Семушка, — промелькнуло в голове, пока я ковылял к выходу. — Ответишь ты мне и за ухо, и за канаву и за щенка».

Я доковылял до двери, толкнул ее, вывалился наружу.

Свет. Яркий солнечный свет.

Пришлось зажмуриться, да еще и рукой прикрыться. И сразу грохот. Цокот, ржание, крик всё в одну кашу.

Я осторожно приоткрыл слезившиеся глаза, и ошалел.

Асфальта не было. Высоток не было.

Мимо пронеслась пролетка, обдав грязью. Бородач на козлах взмахнул кнутом и обматерил меня.

По тротуару, спешили дамы, брезгливо поднимая подолы. С этими нелепыми выступами на заднице. Вуали, шляпки. Рядом вышагивали мужчины в котелках и сюртуках, опираясь на трости.

Взгляд уперся в вывески.

«БУЛОШНАЯ». «МАНУФАКТУРА. ЧАЙ. САХАРЪ». «ЦЫРЮЛЬНЯ».

Ни одного автомобиля. Никакого гула машин не слышно. Только цокот копыт, скрип колес

и крики разносчиков:

— Воды! Кому воды студеной!

— Пирожки горячие, с пылу с жару!

Это был не сон. Во сне не бывает таких запахов. Которые били прямо в нос: едкий дым из труб, свежая выпечка, вонь из сточной канавы и вездесущий лошадиный дух.

Это был не бред. Это было слишком реально.

Я должен был сгореть заживо. Но я стоял здесь с пробитой башкой, в теле заморенного пацана.

Я умер. Но я был жив.

Новый шанс.

Я выдохнул. И впервые за эту... жизнь... ухмыльнулся.

Новая жизнь. НОВАЯ ЖИЗНЬ!!!!

Глава 2

Ухмылка исчезла с моего лица в одну секунду. Просто - раз! И я уже стою в состоянии тихого охренения.

Новая жизнь? Серьезно? Да еще и мне?

Внезапно висок стрельнуло так, что в глазах поплыли чёрные круги, а ноги подкосились.

Пришлось опереться о стену дома, чтобы не упасть мордой в грязь.

Я медленно, стараясь не делать резких движений, осмотрелся. Чертова улица жила свой жизнью. Ей было насрать на чумазого пацана с пробитой башкой, который того и гляди, упадёт. Если я прям здесь кончусь, даже никто не обратит внимания. Был пацан и нет пацана.

Рядом заорал какой-то мужик в кепке. Он правил лошадью, хотя лошадь не сильно устраивал такой расклад. Она била копытом и косилась на возницу, будто желала ему искренне, от всей души сдохнуть.

— Побереги-и-ись! - рявкнул мужик.

Я еле успел отсрочить в сторону, чуть не намотало на колеса.

Странно, но даже сквозь подошву ощущалось насколько булыжник неровный, острый. Прямо как издевательское напоминание, что я больше не сижу в своей роскошный вилле в Рио. Что теперь у меня есть только разбитая башка, эта сраная улица, мощеная камнем и ни малейшего понимания - как такое вообще возможно.

Сделав шаг вперед, я влился в поток прохожих, и глазел по сторонам, поминутно охреневая от увиденного.

Мимо меня проплывали господа в черных котелках и с тросточками, брезгливо морщась и стараясь не смотреть в мою сторону. Проносились кареты, забрызгивая грязью из-под колес.

В подворотнях жалась такая же, как я, ребятня. Чумазые, в рванье. На прохожих они косились и высматривали, что плохо лежит.

Сквозь уличный гул в голове билась лишь одна зудящая мысль: *какой, черт возьми, сейчас год?*

Впереди, у фонарного столба, надрывал горло паренек в съехавшем на ухо картузе. Через плечо перекинута сумка, битком набитая серыми листами.

— Петербургский листок! Свежие новости! Скандал в городской Думе! Свежие новости!

Вот кто мне сейчас все объяснит. Десяток шагов и я рядом. Пацан тут же насторожился, прижал сумку локтем и зыркнул исподлобья.

— Чего надо?

— Покажи, — хрипло попросил я, кивнув на газету.

— Пятак гони, рвань, — огрызнулся он, демонстративно отворачиваясь. — Читать, поди, не умеешь, а туда же...

Я сделал еще шаг. Газетчик дернулся, выставляя кипу листов перед собой, как щит.

— А ну не балуй! Кликну городового! Получишь тут на орехи!

Но я уже разглядел шапку. Странный старый шрифт, завитушки, яти и твердые знаки. Зато цифры понятные.

«12 Июня 1888 года».

Мир покачнулся, и я еле устоял, тупо глядя на удаляющуюся спину мальчишки.

Это не розыгрыш. Это царская, мать ее, империя. Ни антибиотиков, ни интернета, ни ракет, ни авто.

Только жандармы, царь-батюшка и я.

Я в прошлом, твою то мать.

Висок снова прострелило. Ослепительная вспышка боли и перед глазами на секунду встала картина. Мутная, серая.

Разом нахлынули воспоминания этого тела: приют. Мой новый дом.

Я мотнул головой, сгоняя наваждение.

«Вот и новый шанс, — подумал я, зло сплюнув на булыжник. — Новая жизнь».

Похоже, в этот раз начинать придется даже не с нуля. А с глубокого, сука, минуса.

Загнанная в угол крыса. Вот кем я ощущал себя. Худой и битый, в чужом мире, в чужом теле. Дурацкое, беспомощное положение.

И тут из неказистой дощатой будки, сколоченной у самой стены дома, раздался скрипучий голос:

— Сенька! Ты, что ли? Чего застыл?

Впрочем, голос хоть и хриплый, но без явной угрозы.

Я сунул голову в будку. В лицо тут же ударило волной густого жара. Настоящая баня, только воняло не березовым веником, а канифолью, кислотой, расплавленным оловом и потом. Внутри, в тесноте, чадила маленькая железная печка, в которой докрасна раскалялся массивный паяльник. По полу были раскиданы жестяные обрезки, старые чайники, дырявые тазы.

А посреди всего этого хлама на низкой скамье сидел мужик.

Точнее, полмужика.

Ступней у него не было — обрубки чуть ниже колен. Лицо морщинистое, обветренное. В руках — запаянный чайник, который мужик придирчиво осматривал.

Висок снова прострелило болью. Мозг услужливо подкинул: Осип Старцев, он же Старка. Бывший солдат, калека, ныне — лудильщик. Вопреки прозвищу, совсем не стар — лет тридцать пять, не более.

— Ну, чего в проходе встал? А ну, заходь, — ворчливо пригласил мастер.

Я молча шагнул внутрь, пригибаясь в низком проеме.

Старка окинул меня цепким, въедливым взглядом, и нахмурился.

— А это что за украшение? — кивнул он рану. — А ну, сядь.

И указал на перевернутый ящик. Пришлось подчиниться.

Что это еще за аттракцион невиданной щедрости?

Старка отложил свой инструмент, кряхтя, придвинулся ближе. Пахло от него табаком и металлом. Сжал мою голову мозолистыми пальцами, оглядел.

Я зашипел сквозь зубы.

— Терпи, казак, атаманом будешь. Не девка, — буркнул он. — Опять этот душегуб Семен лютует? На нем пробы ставить негде, на ироде.

Мастер достал из ящика пузырек с какой-то мутной жидкостью и чистую, хоть и пожелтевшую от времени, ветошь.

— Сейчас щипать будет.

«Щипать» — это он мягко выразился.

В рану будто насыпали битого стекла и плеснули кислотой. Я вцепился в края ящика так, что ногти хрустнули, стиснув зубы до скрипа. Тело пацана хотело взвыть, но я приказал: «Молчать!»

Старка внимательно посмотрел на мою реакцию.

— Гляди-ка. А раньше бы уже слезы в три ручья лил. Взрослеешь.

Он туго, по-солдатски, перевязал мне голову холстиной.

— Ну, рассказывай. За что от мастера огреб?

— Не знаю, — хрипло соврал я.

Голос был чужой, надтреснутый.

Врать я не любил, да и отвык. Но, похоже, здесь к такому методу придется прибегать частенько.

Старка закончил с перевязкой, отстранился.ы

— Ладно. Не помрешь. Ступай уже в свой приют, а то на ужин опоздаешь.

— Дорогу забыл, — мрачно буркнул я.

Это была лучшая легенда.

Старка снова хмуро свел брови.

— Куда дорогу? В приют свой? Совсем тебе, Сенька, мозги отшибли?

Я молча кивнул. Играем в контуженого до конца.

— Тьфу ты, горе луковое... — Мужик тяжело вздохнул. — Иди прямо по этой улице, никуда не сворачивай. Дойдешь до большой площади с часовней, свернешь налево. А уж там свой желтый сарай за оградой не пропустишь.

Он махнул рукой в нужном направлении, и взялся за свой паяльник.

Я поднялся и кивнул.

Мужик ничего не ответил, да этого и не требовалось. Мне оставалось лишь выйти из душной конуры безногого солдата обратно на улицу.

В моем старом, пропитом теле краски давно потускнели, все стало сероватым, приглушенным. А здесь, все орет. Небо — нагло-синее. Солнце — злое. Кровь на повязке, которую я мельком видел алая.

Ощущения резкие. Запахи, звуки, боль. Это... раздражало. Я давно отвык, что мир может быть таким *четким*.

Но теперь у меня было направление и чистая, хоть и вонючая, повязка на голове. Уже неплохо!

Дорога, указанная солдатом, вывела к площади с часовней, а оттуда налево. И вот уже показался знакомый фасад.

«Точно желтый сарай, по-другому и не скажешь».

Огромный казенный дом с облезлыми колоннами у входа. Как будто психушку покрасили, ей-богу.

Высокая чугунная ограда с пиками. Над парадным входом — потемневшая от времени табличка с затейливой вязью:

«Воспитательный Домъ его сіятельства князя Шаховскаго».

Я нырнул в калитку.

Навстречу, шаркая стоптанными сапогами, шел дядька. Пожилой, с засаленным воротником рубахи и небритый. От него за версту несло махоркой. И сразу вспомнилось: Спиридоныч. Не самый худший мужик, судя по памяти.

Он лениво прищурился, глядя на меня, а потом заметил повязку. Лицо его не изменило выражения: ни сочувствия, ни удивления. Подумаешь, еще один из города с набитой мордой. Не первый и не последний…

— Опять? — буркнул он. — А ну, пошли, покажем тебя немцу нашему, пока не ушел!

Спиридоныч схватил меня за локоть и потащил внутрь. Мы углубились коридоры, и в нос ударил дух казенного заведения.

А через минуту он уже втолкнул меня в лазарет, в котором стояли несколько пустых железных коек, накрытых серыми одеялами.

Дверь снова скрипнула, и на пороге появился лекарь. Даже если бы не слова Спиридоныча, я бы все равно сразу понял, что он немец. Все как с картинки: аккуратный, подтянутый, с венчиком гладко зачесанных седых волос вокруг блестящей лысины и щеточкой усов.

Он кинул на меня короткий брезгливый взгляд.

— Ну-с, показывать, что у нас тут?

Без лишних слов сухими, жесткими пальцами содрал повязку, которую намотал Старка.

— Пфуй! Дикий работа! Вас ист дас фюр айн швайнерай? — зашипел он, разглядывая рану. — Кто это делал? Палач? — И повернулся к Спиридонычу: — Воды! Шнель! И тряпку!

Пока Спиридоныч кряхтя исполнял приказ, немец осматривал меня, как диковинного жука. Его прикосновения были сухие, быстрые, неприятно-четкие. Он быстро простучал мою тощую грудь, послушал дыхание, задрал веки.

— Голова кружится? Тошнит?

— Нет, — ответил я коротко.

Он удовлетворенно кивнул.

— Гут.

Промыв рану, смазал ее чем-то адски жгучей мазью.

Терпя боль, я только стиснул зубы.

— Шайсе, — глухо ругнулся немец. Быстро стянул края раны бинтом и бросил Спиридонычу: — Жить будет. Забирай.

Доктор тут же сложил инструмент и сухо щелкнул замком саквояжа, даже не взглянув на меня, вышел из лазарета.

Сторож выпроводил меня в коридор и подтолкнул к тяжелой двустворчатой двери. На потемневшей медной табличке значилось: *«Дортуаръ воспитанниковъ мужского пола»*.

Створка заскрипела, и я шагнул вперед.

Огромное гулкое помещение. Стены до уровня груди закрашены в унылую коричневую краску, сплошь покрытую царапинами и затертую. Выше серая от времени побелка. Окна задраны под самый потолок и закрыты решеткой. Лишь в дальнем углу, под темным образом Александра Невского, чадила одинокая лампадка.

Воздух здесь был: тяжелый, въедливый дух немытых тел, прелого сукна и сапожной ваксы.

Внутри копошилось рыл сорок, в одинаковых казенных куртках и шароварах. Стоило двери за моей спиной захлопнуться, как гвалт начал стихать.

Четыре десятка пар глаз уставились на меня. Точнее, на белую повязку.

Расклад читался сразу, даже копаться в чужой голове не пришлось. Вон там, у самой печки, на лучшей койке развалился крепкий парень. Силантий Жигарев. Жига. При виде него мозг отозвался тупой пульсацией — всплыл страх Сеньки перед местным паханом. Вокруг Жиги кучковались подпевалы. Остальные обычные мальчишки и страдальцы.

Жига даже не удосужился сесть. Лениво скосил глаза.

— Эй, страдалец! — с наглой издевкой протянул он. — Чего с башкой, Сенька?

Рядом тут же подпрыгнул щуплый пацан с бегающими глазками:

— Видать, умище прет, Жига! Кость не держит!

Спальня хихикнула.

— Да какие там мысли! — выкрикнули с дальнего конца. — Он у Семена деталь запорол! Вот мастер его и приголубил!

Смех грохнул с новой силой. Жига выждал паузу, наслаждаясь моментом, и медленно сел на койке.

— А-а-а... Значит, Сенька у нас бракодел, — его голос разнесся по притихшему дортуару. — Руки-крюки. Таким в мастерскую путь заказан. Знаешь, куда тебя теперь пристроят? Параши чистить. Будешь за нами дерьмо выносить. Самое место тебе среди говновозов.

Все замерли. Ждали, что как всегда Сенька сейчас ссутулится, втянет голову в плечи или начнет жалко мямлить. Ждали привычного унижения.

А я не опустил глаз.

Ни злости, ни страха. Лишь глухая усталость. Мне было скучно смотреть на это.

Жига нахмурился. Самодовольная ухмылка на его лице дрогнула и сползла, сменившись растерянностью. Он не понимал в чем дело, но уловил: привычная схема дала сбой.

Я позволил тишине повисеть еще секунду и коротко, криво усмехнулся.

— Это ты теперь решаешь, кому куда путь заказан? — безразлично, спросил я. — В принцы видимо выбился. Барчук.

Лицо Жиги окаменело, не ожидал он прямого вызова.

— Подрос, что ли? Страх потерял, — прошипел он.

И уже начал подниматься с койки, а я начал прикидывать как смогу выдержать удар...

ДО-О-ОНГ!

Раздался удар колокола.

Это был сигнал к ужину, дортуар взорвался криками.

— Пошли-пошли-пошли!

— А ну, пусти!

— Не зевай, рты раззявили!

Толпа из голодных пацанов это та еще стихия. Меня подхватило этим потоком, едва не сбив с ног. Тело мотало из стороны в сторону. Я еле успевал переставлять ноги, чтобы не упасть и не быть затоптанным.

А вот Жига и его свита двигались не торопясь. Они шли не в толпе, а *сквозь* нее. И толпа расступалась. Иерархия мать вашу.

Гулкая трапезная, с длинными, некрашеными столами, изрезанными ножами уже ждала.

На длинном столе было приготовлено пиршество: на каждого миска серой, безликой баланды, которую здесь называли кашей, кружка бурой, едва теплой бурды, отдаленно напоминающей чай. И в центре этого великолепия главная ценность и местная валюта ломоть черного хлеба.

Не успели мы сесть, как трапезная превратилась в биржу.

В одном конце стола Грачик уже менял свой ломоть хлеба на какую-то картинку, вырезанную из газеты.

Другой кусок уходил в уплату карточного долга. Здесь это не просто еда. Это валюта.

Ко мне подкатился сопляк лет двенадцать с хитрыми глазками.

Бяшка, вспомнил я.

— Сень, а Сень, — прошипел он, пряча руку под столом. — Махнемся?

И разжал кулачок. На ладони лежали два кривых, ржавых гвоздя.

— Прекрасное предложение, — прокомментировал я ровным голосом. — И какой нынче курс гвоздя к хлебу?

Мальчишка завис и захлопал глазами. Сложное слово курс до него не дошло, и он ушел на поиски более сговорчивого.

Но мое внимание, как и внимание всей трапезной, уже было приковано к ажиотажу в дальнем конце стола. Там Трофим Кашин, медлительный увалень с толстыми губами, спорил с кем-то на чернильницу-непроливайку.

— На три куска спорим, что выпью! До дна! — багровея от азарта, ревел он.

Три куска хлеба — целое состояние. За такую сумму здесь готовы на многое. Вокруг пацанов уже собралась толпа: все гудели, зубоскалили, делали ставки.

Я смотрел на этот театр абсурда с любопытством. Три ломтя хлеба за то, чтобы наглотаться купороса и неделю гадить чернилами. Сделка века. Развлекались как могли.

Парень под одобрительный рев толпы схватил чернильницу, зажмурился и опрокинул ее содержимое в глотку. Лицо приобрело сине-зеленый оттенок. Он закашлялся, подавился, но не сдался.

Отвернувшись от этого цирка, я уже было собрался впиться зубами в свой кусок, как вдруг в паре шагов от меня раздался тихий, сдавленный всхлип.

Малец лет семи, совсем сопляк, давился беззвучными слезами. Перед ним стояла пустая миска. А рядом возвышается Жига. Он неторопливо дожевывал *свой* кусок хлеба и тянул руку к куску мальца.

— Тебе не надо, — ухмыльнулся он, и его свита тихо *гыгыкнула*. — Зубы могут выпасть.

Малыш попытался прикрыть свой хлеб ладошкой, но Жига презрительно щелкнул его по лбу и без малейшего усилия забрал добычу.

Вся трапезная наблюдала за этим молча. Сильный жрет. Закон джунглей.

Раньше я бы прошел мимо. Чужие проблемы меня не волнуют. Но сейчас...

Сейчас я видел одно. Жига только что отнял у самого мелкого, у слабого. Он — крыса. И все это видят, хоть и боятся сказать. А вот я понимал, не смогу с ним ужиться. Так, чего тянуть?

Я подошел и громко, отчетливо сказал:

— Не наелся?

Жига застыл с куском хлеба на полпути ко рту. Гогот затих. Все головы повернулись ко мне. В глазах застыло изумление.

— Что ты сказал, Сенька? — медленно переспросил Жига, опуская руку.

— Говорю, своей порции мало? У мелких отбирать — много ума не надо, — спокойно посмотрел я ему в глаза.

Лицо Жиги потемнело. Он медленно положил хлеб на стол и поднялся. Стоя парень оказался на голову выше меня и вдвое шире в плечах.

— Ты, я гляжу, и правда смерти ищешь, падаль.

И сделал шаг ко мне. Но я не двинулся, даже зная, что в драке он сломает меня. Здесь и сейчас, я дохлятина.

Значит, драки и не будет.

Я приподнял подбородок и, глядя поверх плеча Жиги, прокричал в сторону двери, где топтался дежурный дядька:

— Спиридоныч!

В трапезной повисла мертвая тишина. Слышно было, как капает вода из крана. Все замерли, даже Жига застыл на полпути, как будто не верил своим ушам.

В дверях, кряхтя, появился Спиридоныч.

— Чего орешь?

— Жигарев у младшего хлеб отбирает, — спокойно и громко доложил я.

Спиридоныч устало перевел взгляд с меня на Жигу, на плачущего мальца. Он, понятное дело, плевать хотел на наши разборки. Но ему нужен был порядок.

— Опять ты, Жигарев? А ну, отдал мальчонке хлеб и сел на место! Чтоб тихо было!

Лицо Жиги залила багровая краска, кулаки сжались. Но против «дядьки» не попрешь.

— Разошлись все! — пробурчал Спиридоныч и убедившись, что порядок восстановлен, отвалил.

Как только его шаги стихли, Жига медленно повернулся ко мне. На его лице больше нет было ухмылки. Только ледяная ненависть. Подошел вплотную и прошипел мне прямо в лицо, так, чтобы слышали все вокруг:

— Ты, оказывается, ябеда?

Хм. То-то они застыли, будто привидение увидали. Позвать «дядьку» — это нарушение закона. Стукачество. Да, подзабыл я эти понятия... Впрочем, наплевать.

— Хах, — усмехнулся я. — И это говорит тот, кто у своих, да еще у младших, последний кусок отбирает. Хуже крысы помойной.

Физиономия Жиги исказилась от бешенства.

— Нича. Ночью посчитаемся. Устроим темную, попомнишь.

Напоследок побуравив меня взглядом, полным обещания боли, он резко развернулся. Свита трусливо посеменила следом.

Неловкую тишину разорвал невысокий востроносый парень. Спица. Закадычный Сенин приятель. Бледный как полотно, он схватил меня за рукав.

— Ты чего творишь?! — прошипел прямо в ухо. — Он же калекой тебя сделает!

И потащил меня в угол. Следом, озираясь, начали подтягиваться другие. Я оглядел их, и чужая память сработала на автомате, подкидывая имена.

Высокий, нескладный Ефим — Грачик.

Коренастый, рыжий — Васян.

— Посмотрим, — ровно ответил я Спице.

От моего спокойствия пацана аж затрясло.

— Посмотрим?! Сень, ты больной? Они ж тебе темную сделают! Накинут ночью одеяло на башку и будут гасить толпой! Пока ребра не захрустят!

— Жутко ты на него смотрел, — басом вставил Васян, исподлобья сверля спину уходящего Жиги. — Будто на покойника. Только Жига зло помнит. И слово сдержит.

Я промолчал. Сдержит, куда он денется.

Я тоскливо посмотрел на свой ломоть черняшки. Так и не откусил. Жалко, сука. Но зубы и целые ребра стоят дороже.

Поймал взглядом кудрявого Бяшку, трущегося неподалеку.

— Эй, шустряк. Давай сюда свои гвозди. Махнемся.

Через несколько минут пришел другой дядька — Ипатыч. Пробубнил длинную, тягучую молитву по Псалтыри, от которой у меня едва скулы не свело.

— Отбой!

Лампадку притушили. Дортуар утонул в темноте. Сорок пацанов ворочались на койках. Пошел кашель, сопение, скрип.

А я лежал, глядя в темноту и не спал, ожидая.

В потном кулаке были зажаты два ржавых, кривых гвоздя.

И вдруг шорох прорезал ночную тишину.

Они пришли.

Глава 3

Ждать, пока накинут одеяло и начнут месить, превращая в отбивную, а то и делая инвалидом? Это не мой метод.

Бесшумно, как тень, я сполз с койки на ледяной пол. Секунда — сунул под одеяло тощую подушку, чтобы имитировать спящее тело.

И тут же, на брюхе, заскользил под кровать.

Видимость — нулевая. Только слух.

В каждой руке по гвоздю.

Вот они.

Мои глаза уже привыкли к темноте, и я увидел, как четыре тени отделились от угла. Шли босиком, тихо, стараясь не шуметь. Точно знали, что делают. Видимо, не впервой.

Я видел их ступни, шлепающие по доскам. Тени замерли у *моей* койки.

— Давай, — послышался хриплый шепот.

Они подняли руки, готовясь набросить одеяло на «подушку», и в этот момент стали максимально уязвимы.

Сейчас.

Я ударил не замахиваясь. Коротко и быстро. Целясь в самое уязвимое место — прямо в ступни.

Мой кулак с гвоздем врезался в мягкое. Я почувствовал сопротивление кожи, мышц, и тут же раздался хруст.

— А-а-а-а-ай!

Это был не крик, а поросячий визг.

Я тут же ударил второй рукой. И снова попал.

— Нога! Моя нога!

Послышался грохот. Кто-то из них рухнул на пол.

— Тихо, суки! Заткнитесь! — зашипел Жига, но было поздно.

Визг разорвал ночную тишину. Весь дортуар взорвался сонными воплями, кто-то испуганно взвыл.

В коридоре послышался топот и грозный рев Спиридоныча:

— А ну, что там за чертовщина?!

Пока Жига в панике пытался заткнуть рты своим шакалам, я рванул гвозди назад. Капли крови попали мне на руки.

Не медля ни секунды, я вытер гвозди о нижнюю, пыльную сторону матраса и сунул в щель в полу.

В тот самый миг, когда Жига пытался оттащить скулящих подельников от моей кровати, я выскользнул из-под нее с противоположной стороны. Прыжок на койку — под одеяло. Сжаться в комок.

Все заняло не больше двух секунд.

Дверь распахнулась, и Спиридоныч ворвался внутрь с раскачивающейся в руках керосиновой лампой. По спальне замелькали косые, ломаные тени.

— Что случилось?! — взревел он.

Лампа осветила картину всеобщего хаоса.

Жига, белый как полотно, стоял над двумя корчащимися телами. Его шестерки скулили и зажимали ступни, а вокруг быстро расползались темные, липкие лужи крови.

— Он... он... — один из раненых, тот, что с крысиными глазками, ткнул в меня пальцем. — Это Сенька! Он нас… Порезал чем-то!

Спиридоныч медленно повернулся ко мне.

Я сидел на койке дрожа, адреналин бил так, что и симулировать не пришлось, и хлопал «испуганными» глазами.

— Что?.. — пролепетал я. — Я... я не знаю... спал... А они... А они как закричат...

Жига, поняв, что отпираться бесполезно, пошел в атаку:

— Он, Спиридоныч! Он нам «темную» устроил! Мы просто мимо шли!

«Мимо шли. Втроем. К моей койке. Ага», — мелькнула в голове мысль.

Спиридоныч тоже был не дурак и перевел тяжелый взгляд с Жиги на меня. Потом на кровавый след, который тянулся от моей койки к раненым.

Дядька медленно подошел. Наклонился, поднял лампу.

— А ну, руки покажь.

Я протянул ладони — грязные, в саже и пыли, которую успел собрать под кроватью. Но не в крови.

Спиридоныч посветил под кровать. Пусто. Посветил на пол. Кровь.

— Порезал, говоришь? — устало спросил он у раненого.

— Да! У него нож был! — взвыл тот.

— И где он? — Спиридоныч обвел дортуар взглядом. — Нет ничего.

Он все понял. И уж, конечно, сообразил, *кто* начал. И *чем* кончилось. А потому тяжело вздохнул.

Ему нужен был порядок, а не справедливость.

— Так... — протянул дядька. — Этих двоих — в лазарет. С утра немчик придет, посмотрит. Ты, Жигарев, их и потащишь. А ты, — ткнул он пальцем в меня, — Тропарев... в карцер. До утра.

— За что?! — пискнул я, идеально играя обиженного.

— За то, что не спишь, когда положено! — рявкнул Спиридоныч. — И без завтрака! А ну, пошел!

Он грубо схватил меня за локоть и вытолкал в коридор, я едва успел схватить одежду. Зато брел впереди него в ледяную «холодную» каморку, едва сдерживая ухмылку.

Карцер и без завтрака.

За две пробитые ноги «шакалов» Жиги?

Дешево отделался. Очень дешево.

Дверь карцера захлопнулась с противным лязгающим звуком. Ключ повернулся в замке.

— Сиди, — донесся усталый голос Спиридоныча. — И остынь.

Шаги удалились. А я остался один в простом каменном чулане под лестницей. Метр на полтора. Вместо мебели — голый пол. Вместо окна — щель под дверью.

Быстро одевшись, сел на ледяной пол, прислонившись спиной к такой же ледяной стене. Адреналин отпускал, и тело начало мелко дрожать. Холодно. Но я все равно усмехнулся в темноту, и, закрыв глаза, начал прокручивать сцену «темной». Все прошло чисто. Я ударил из укрытия. Спрятал оружие. Спиридоныч *знает*, что это я. Жига *знает*, что это я. Весь дортуар *знает*, что это я.

Но доказать никто ничего не сможет. А это главное.

Спустя пару минут, я отрубился, свернувшись калачиком на каменном полу.

Разбудил меня лязг ключа в замке. Я открыл глаза. Темнота. Полная, густая.

Дверь карцера со скрежетом открылась. В проеме стоял Спиридоныч, держа в руке керосиновую лампу. Тусклый свет выхватил меня из мрака и заставил зажмуриться.

— Выходи, Тропарев.

Его голос был хриплым ото сна.

Я молча поднялся. Тело затекло и не слушалось.

— Который час? — хрипло спросил.

— Пятый, — буркнул Спиридоныч. — До подъема еще час.

Он не стал ничего объяснять. Просто ткнул меня в спину:

— Топай.

Мы пошли по гулким, абсолютно темным и ледяным коридорам. Только лампа бросала дрожащие тени на стены. Сквозняк гулял вовсю.

Зачем возвращать меня до подъема?

Ответ пришел сам: чтобы не было *шоу*. Спиридоныч — старый служака. Он убрал «проблему» ночью и вернул меня на койку, чтобы окончательно «замазать» неприятную историю, случившуюся в его дежурство. Теперь все тихо-мирно, будто ничего и не было. А тем дурачкам, что сейчас в лазарете, наверняка прикажет отвечать, что сами себе ноги ссадили. Доказательств же нет! Ну и все. Он гасил конфликт как мог.

Вот и двустворчатая дверь дортуара.

Спиридоныч приложил палец к губам: что было совершенно излишне — я и не собирался шуметь, — и осторожно, стараясь не скрипеть, приоткрыл одну створку ровно настолько, чтобы дать мне протиснуться.

— И чтоб тихо у меня, — прошептал он мне в спину. — Понял?

Я кивнул и скользнул внутрь.

Дверь за спиной так же бесшумно закрылась.

Дортуар.

Было почти темно. Единственный источник света — крошечная лампадка, теплящаяся в углу под образом.

Вокруг стоял ровный гул. Сонное сопение, покашливание, кто-то бормотал во сне. Сорок пацанов спали мертвым сном.

Я на цыпочках, как в прошлой жизни через минное поле, пошел к своей койке. Места «шакалов» были пусты. Их, очевидно, оставили в лазарете.

Мельком глянув на койку у печки, я не понял, спит Жига или нет, и молча лег к себе, накрывшись колючим одеялом и не заметив, как уснул.

Утро началось без предупреждения.

Дверь в дортуар распахнулась, и вошел Ипатыч. В руке он держал палку.

— Подъём! — взревел дядька. — Что, бисовы диты, кажного отдельно поднять надо?

Он пошел по проходу, лупя палкой по кроватям. Короткий, злой удар по железной спинке — д-д-дзинь! Еще один по второй — д-д-дзень! Лязг, визг металла и грубый окрик — вот из чего состояло утро в этом доме.

Сонные, мы сползли с коек.

Голова раскалывалась.

Я осторожно коснулся повязки. Она намокла. Черт. Ночь на ледяном каменном полу карцера даром не прошла. Рана снова открылась и кровоточила. На колючем сером одеяле расплылось темное, почти черное пятно. Свежее.

Отлично. Просто отлично.

Одевшись, все высыпали в умывальную комнату — длинное, холодное помещение с каменным полом. В центре громоздилась огромная медная лохань, сияющая, как самовар, с тремя кранами, из которых тонкой струйкой цедилась ледяная вода.

Обычный утренний хаос. Младшие брызгались и визжали, старшие угрюмо толкались.

Но не вокруг меня.

Вокруг меня было пустое пространство. Вакуум.

Я подошел к лохани, и толпа, гудевшая там, молча расступилась. Прям как Красное море перед Моисеем, если бы Моисей был чумазым заморышем с пробитой башкой.

Никто не толкал, никто не лез, все только косились на меня: кто-то испуганно, кто-то с любопытством.

Я спокойно поплескал в лицо ледяной водой, смывая запекшуюся кровь с морды и шеи, чувствуя на себе десятки взглядов. Кажется, ночью мне удалось изменить правила. И теперь пацаны пытались понять новые.

Судя по памяти Сеньки, сейчас нас должны были погнать в мастерскую. Эх, как не хочется! Встреча с мастером Семёном... Снова пробитая башка — это в лучшем случае. И дорогу я помнил смутно.

Но тут в коридор вошел человек, не похожий на здешних дядек. Невысокий, русоволосый, с аккуратной бородкой, пенсне и умными глазами.

Сенькина память подсказала — воспитатель, Владимир Феофилактович. Он же преподавал грамматику. Учитель прошел мимо, и его взгляд остановился на мне, на свежей кровавой повязке. Он нахмурился.

— У Глухова схлопотал? Опять Семен? — тихо спросил он.

Я молча кивнул: представился отличный повод свалить все на Семёна.

— Скотина. Каторга по нему плачет, — так же тихо обронил он.

Через минуту он вышел на середину зала, поблескивая стеклышком пенсне.

— Слушать всем! Сегодня — воскресенье. Посему на работы никто не идет. Сейчас строимся и отправляемся в церковь на литургию.

Воскресенье.

Я с облегчением выдохнул: один день передышки. Подарок, мать ее, судьбы.

Нас вывели на плац и построили в колонну по двое. Я зябко поежился, пряча руки в рукава куцей курточки, и вновь поискал глазами Жигу. Он стоял в дальнем ряду, причем «свита» пацана заметно поредела. Двоих, тех самых, с пробитыми ногами, в строю не было — очевидно, они валялись в лазарете у немца. Но Жига стоял не один, его окружали другие прихлебатели.

Тут из боковой двери главного здания высыпала еще одна колонна. Девочки.

Такие же серые, одинаковые фигуры в длинных платьях и платках. Они построились отдельно и принялись шушукаться, искоса поглядывая на нас. Память Сеньки подсказала: они живут на втором этаже, и миры наши почти не пересекаются. Еще один элемент этой тюрьмы, который предстояло изучить.

— Шагом!

Мы потопали по булыжнику к приютской церкви.

Внутри храма было тепло и сумрачно. Сладковатый, удушливый запах ладана и топленого воска ударил в нос, въедаясь в одежду. Голос батюшки, усиленный акустикой сводов, гудел монотонно, как трансформатор, — непонятные, тягучие слова на церковнославянском перемежались песнопениями.

После нас по одному повели на исповедь — обязательный ритуал перед причастием. Мы выстроились в очередь к попу в золотистом одеянии. Большинство каялись без особых подробностей, так что очередь двигалась быстро. Наконец настал мой черед.

— О чем покаяться хочешь, сын мой? — спросил немолодой, сильно уставший от выслушивания чужих грехов священник.

Гм. И что ему ответить? Вспомнить грехи за все свои прожитые годы?

— Даже не знаю! Если все припомнить — так и до ночи не перескажу!

Поймав недоуменный взгляд батюшки, тут же поправляюсь:

— Ну, это, грешен, в общем… С гвоздем тут шалил, царапал где ни попадя. И девок голых представлял...

— Ночные мечтания от себя отринь! — строго указал священник, накидывая на меня странное узкое покрывало. — Отпускаются грехи рабу божию Арсению, вольные и невольные…

Наконец эта канитель закончилась. Началась другая — литургия. Я стоял и тупо смотрел в стриженые затылки товарищей по несчастью. Я не верил в Бога ни в прошлой жизни, ни тем более в этой. Ведь, по их представлениям, перерождения не существует, не так ли? Ну вот… А я очень наглядно убедился совсем в другом. Так что весь этот ритуал казался мне бессмысленной тратой времени. Но я стоял, крестился, когда крестились все, кланялся, когда кланялись все. Мимикрия!

А между тем скользил взглядом по стриженым затылкам товарищей по несчастью и вдруг наткнулся на другой взгляд. Одна из девочек неотрывно смотрела на меня из женской половины.

Худенькое лицо, огромные, тревожные глаза. Память Сеньки услужливо подбросила: Даша.

Служба закончилась. Упорядоченные колонны на выходе смешались в гудящую, толкающуюся толпу. В этой сутолоке девочка и настигла меня. Маленькая, быстрая тень.

— Ну ты отчаянный, Сенька, — раздался у самого плеча быстрый шепот.

Я повернулся. Ее лицо было совсем рядом.

— Ты с Жигой-то... Он тебя теперь не оставит. Да и в мастерской... там ведь еще хуже. Мастера не зли. Сильно он тебя стукнул?

Я кивнул на свою повязку.

— Дырка в башке — вот она.

Даша покачала головой, ее огромные глаза сделались еще больше.

— Ты это брось — его злить! Он, говорят, и так до драки лютый.

По-хорошему, мне бы испугаться. Но что-то внутри только криво усмехнулось.

«Лютый до драки мастер?» Ой, божечки… Меня пару дней назад разорвало на куски взрывом. И после этого бояться какого-то ушлепка?

Кажется, Даша увидела все по моему лицу. Взгляд ее затуманился, что придало лицу задумчивое выражение.

— Странный ты какой-то стал, Сеня. Чудной. Как будто и не ты вовсе, а *пришлый* какой-то.

Сзади раздался чей-то смешок, похоже, Спицы.

Тут Дашу дернула за рукав надзирательница, и она исчезла, вернувшись в свой строй.

А я замер.

Пришлый.

Как в воду глядела. Почуяла чужака. Значит, моя маскировка не так уж и хороша. Нужно быть осторожнее.

Вернувшись в знакомые желтые стены приюта, мы не успели разуться, как послышался знакомый до-онг. Завтрак.

Толпа снова понеслась в трапезную. Я пошел последним. Мое тело мотало из стороны в сторону от слабости, но я заставил себя идти ровно.

На раздаче мне молча сунули миску с серой жижей и кружку бурды. Я не двинулся.

— Тропарев, ты чего застыл? — рявкнул Ипатыч.

— Мне Спиридоныч сказал — без завтрака, — спокойно ответил я.

Ипатыч удивленно крякнул, но тут же потерял ко мне интерес.

— Ну, без завтрака так без завтрака. Проваливай отсюда.

И вот оно, главное последствие.

Я стоял у стены трапезной, пока сорок рыл чавкали, поглощая горячую баланду. Живот сводило от голода. Тело требовало топлива — пусть даже такого скверного, как местная похлебка.

Жига жадно ел, не смотря в мою сторону. Но я знал, что он *чувствует* мой взгляд.

И тут замечаю движение.

Ко мне, стараясь не привлекать внимания, боком протиснулся Васян. Тот, что вчера хмуро предупреждал относительно Жиги.

Пацан прошел мимо и «случайно» толкнул меня.

— Не зевай, ворона, — пробурчал он не глядя.

И в тот же миг я почувствовал, как в мою руку уперлось что-то твердое и теплое.

Я сжал кулак. Прикрыв добычу телом, посмотрел на ладонь.

Ломоть черного хлеба.

Я поднял глаза. Васян уже сидел на своем месте и хлебал кашу, будто ничего не произошло. Кивнув в пустоту, я быстро спрятал хлеб за пазуху.

После завтрака нестройной толпой нас выгнали обратно в казарму. И уже там, забившись в уголок, я торопливо, до крошки, сжевал подаренный Васяном хлеб, показавшийся мне самым вкусным блюдом, съеденным за многие годы. Нет, не таким вкусным, как тушенка с перловкой, сброшенная с Ми-восьмого на ту высоту под Калатом, когда мы четыре дня держали оборону от духов — ее вкус и запах я помню до сих пор. А вот фуагра с флёр-де-сель, луковым конфитюром и инжирным вареньем, когда-то презентованное мне в Гай Савой на набережной Конти как лучшее блюдо Франции, казалось пустой травой в сравнении с этим странным, кислым на вкус, клеклым хлебом. На душе сразу потеплело. Жаль только, порция такая же маленькая — прям как фуа-гра в Гай Савой…

После пришлось идти в классную комнату. Едва мы расселись, как в зал пошел батюшка Филарет Фомич — не тот, что служил литургию, а наш, приютский. Гигант с гривой черных волос, густой бородой и красным носом. От него слегка попахивало вином.

Начался урок Закона Божьего.

Батюшка Филарет объяснял что-то про дары, ниспосылаемые небом. Голос у него, вопреки ожиданиям, был тонкий и гнусавый. Говорил он медленно, тягуче, скучно. Под его монотонное бормотание слипались глаза.

Я не слушал, думая о своем. Передо мной были три угрозы. Одна — здесь, в лице Жиги. Вторая — снаружи, в мастерской Глухова. И третья — в Даше, которая почуяла «пришлого».

— Тропарев!

Тонкий голос батюшки вырвал меня из размышлений. Все обернулись.

— О чем я только что говорил, отрок?

Я молча встал. Память зияла пустотой. Мозг был занят не библейскими притчами, а вполне земными проблемами выживания.

— О дарах, батюшка, — ответил я.

— Именно, — елейно улыбнулся он. — И какой главный дар божий для человека?

Тишина. Я посмотрел в его маслянистые, бессмысленные глаза. В них не было ни веры, ни доброты.

— Хлебная нехлопотная должность, батюшка, — вежливо так, смиренно ответил, наблюдая, как наливается багровой краской его лицо.

Глава 4

По классу пронесся смешок. Лицо Филарета покраснело от гнева. Он, ясное дело, ожидал услышать жизнь или душа бессмертная, а не вот это вот...

Ну зачем я это вякнул? Черт, как ни стараюсь я мимикрировать под Сеньку, все равно настоящая сущность так и лезла наружу. Чую, так и прозовут меня Пришлым.

И правильно сделают.

— Молчать! — истерично, совсем не по-богатырски взвизгнул он.

Огромная туша нависла надо мной. Здоровенный кулак с грохотом опустился рядом. В нос ударил запах перегара.

— Что ты сказал, паршивец?! — Гнусавый голос сорвался на фальцет. — Ересь! Бесовщина! Ты где этого набрался, а?!

Его толстый, как сарделька, палец ткнул мне почти в глаз, я еле успел отшатнутся.

— Ты в доме призрения, а не в кабаке портовом! Гордыня твой разум помутила, отрок! Я из тебя эту дурь выбью! Молитвой! Постом! А нужно и розгами!

Я молча смотрел на его трясущуюся бороду, в которой застряли хлебные крошки. Он вызывал у меня только чувство омерзения. Сытый сволочь.

Он отступил на шаг, тяжело дыша, и смерил меня презрительным взглядом.

— Наказан будешь ты, — наконец обронил Филарет и вывел что-то в классном журнале. — Вот тебе епитимия: вечером десять раз читаешь Отче наш. А служитель проверит!

Плевать. В этом мире необходимо не знание катехизиса, а умение держать удар. И этот экзамен я пока сдавал успешно.

После урока Закона Божьего начиналась уборка. Нас вооружили ведрами, тряпками и щетками.

Я не лез вперед, присматривался и наблюдал за происходящим, запоминая и мотая на ус.

Огромный дортуар превратился в муравейник. Младшие, подгоняемые окриками, таскали воду, терли полы, выбивали пыль из матрасов. Под половиками обнаружились противные рыжие тараканы. Их потоптали, пошугали вениками, и на этом все закончилось. До появления дихлофоса оставалось еще много-много лет.

Старшие разделились на две группы.

Одни — такие, как Спица или Грачик — работали безропотно. Их цель была в том, чтобы день прошел без неприятностей. Сделал, что велено, и тебя не трогают.

Другие, Жига и его прихлебатели, делали вид, что выше этого. Жига картинно опирался на швабру и раздавал указания, хотя сам и пальцем не шевелил. Его свита лениво размазывала грязь по углам, всем своим видом показывая, что это не царское дело.

Дядьки на это смотрели сквозь пальцы. Здесь, как в тюрьме, у администрации был молчаливый договор с верхушкой заключенных. Они поддерживали порядок, а администрация закрывала глаза на их мелкие привилегии.

Приборка была еще не закончена, а с улицы уже донесся крик:

— Едут! Едут!

Все бросились к окнам. К парадному входу подкатила изящная пролетка. Из нее с помощью лакея выплыла дама в пышном черном платье и шляпке с вуалью, а следом выбрался господин в котелке и с тросточкой.

Начальство явилось.

Через минуту в дортуаре началась суета. Дядьки и воспитатель, Владимир Феофилактович, носились, выстраивая нас в две шеренги. Лица у них были подобострастные и напряженные.

Наконец гости гости вошли.

Впереди была Анна Францевна, председательница Совета Попечителей. За ней — господин управляющий нашим дурдомом, Мирон Сергеевич.

Она не шла, а плавно скользила по паркету. Высокая и сухая, как цапля. Из-за модного турнюра корма у дамочки отклячивалась, что на нее можно было смело ставить поднос с чаем — не прольется. Лица за вуалью было ни черта не разобрать, сплошное пятно. Она еще рта не раскрыла, а ты уже чувствуешь, что натоптал, должен денег и вообще зря на этот свет появился.

За ней следовал господин управляющий, Мирон Сергеевич. Сюртук на нем сидел безукоризненно, а к нему прилагались манишка, атласная жилетка и тщательно выглаженные брючки, из-под которых выглядывали носы начищенных до блеска штиблет. Аккуратные, подкрученные на концах усики и тросточка с костяным набалдашником, которую он держал, довершали образ человека, уверенного в своем положении.

Перевидал я таких хмырей. В глаза всегда улыбается, да в друзья набивается. И ради своей выгоды и мать родную продаст. В общем гладко стелет да жестко спать.

Едва переступив порог, Анна Францевна приподняла к лицу кружевной платочек.

— *Quelle odeur, mon cher...* — донесся до меня тихий, с проносом шепот по-французски. — Какой запах, мой дорогой...

— *C'est inévitable, madame. Mais regardez leur ordre*, — так же тихо ответил Мирон Сергеевич, указывая кончиком трости на наши замершие шеренги. — Это неизбежно, мадам. Но посмотрите на их порядок!

Они шли вдоль строя, осматривая нас, как скот на ярмарке. Дама брезгливо морщила носик. Управляющий тыкал тростью в угол, где было плохо вымыто. Они обошли все: дортуар, трапезную, лазарет. Задавали вопросы воспитателю тихими, но требовательными голосами.

Закончив осмотр, Мирон Сергеевич вышел на середину залы и стукнул тростью по полу, требуя тишины.

— Юноши! — начал он, обводя нас взглядом. — Рад видеть вас в здравии. Помните, ваш первейший долг — усердно молиться Господу Богу нашему и быть беззаветно преданными государю императору Александру Александровичу. Во всем проявлять послушание вашим воспитателям и их помощникам.

Он сделал паузу, давая время словам впитаться в наши молодые умы.

Я невольно потрогал запекшуюся рану на голове. Нихрена себе в здравии! Меня вообще-то чуть не убили.

— И самое главное, — картавя продолжил господин управляющий. — Вы должны питать в сердцах своих бесконечную благодарность господам попечителям, — он слегка кивнул в сторону молчаливой Анны Францевны, — чьим неустанным радением имеете кров и пищу.

Закончив, брезгливо кивнул Ипатычу, стоявшему с корзиной.

Нам велели подойти. Из корзины выдали подарки: по одному крошечному прянику и яблоку.

Прям аттракцион неслыханной щедрости!

— А теперь, воспитанники, — объявил Владимир Феофилактович, обращаясь к нам с нарочито бодрым видом, — мы должны выразить искреннюю признательность нашим благодетелям! Повторяйте за мной!

Он сделал глубокий вдох, принимая торжественную позу.

— Благодарим…

— Благодарим… — нестройно, как будто через силу потянулось по рядам.

— …От всей души и сердца…

— …от всей души и сердца… — Кто-то хихикнул сзади.

— …за заботу и труды…

— …за заботу и труды… — глухими, неискренними голосами тарабанили воспитанники.

— …господ попечителей!

— …господ попечителей!

Вздох облегчения пронесся по рядам. Наконец-то. Уверен, никто тут не ощущал ни капли благодарности. Лишь облегчение от того, что эта показуха наконец закончилась.

— Теперь, Анна Францевна, позвольте сопроводить вас в девичье отделение! — произнес Мирон Сергеевич, слащаво улыбаясь даме и предлагая взять его под руку.

Как только взрослые удалились осматривать девичье отделение, все разительно изменилось. Все превратились в толпу вопящих дикарей.

Кто-то зарычал диким голосом:

— На шарап!

Что тут началось… Десятки рук начали выхватывать друг у друга угощение.

Мгновенно образовалась свалка. Кто-то дрался за укатившееся яблоко, другие, как стая голодных волков, набрасывались на тех, кто успел что-то спрятать. Визг, ругань, глухие удары. В углу несколько человек повалили одного на пол, и тут же на ровном месте образовалась куча-мала. Дикари!

Я успел отскочить в сторону и быстро съесть свой пряник, а яблоко припрятать за пазуху, и после чего принялся следить за происходящим.

Взгляд зацепился за чей-то пряник, который отлетел в сторону, и я тут же кинулся туда и выцепил его из общей свалки, пока остальные еще не сообразили, что к чему.

Сжимая в кулаке твердый, как камень, но пахнущий медом барский презент, я отошел в сторону. Васян, как и я, в свалку не полез. Он смог сохранить свой пряник и теперь стоял у стены, намереваясь, очевидно, насладиться им. И в этот самый момент к нему подскочил щуплый, вертлявый Данилка Хорек, один из шестерок Жиги.

Рывок — быстрый, крысиный. И пряник перекочевал из руки Васяна в лапу Хорька. Тот, не отходя, тут же запихал его в рот целиком, давясь и отчаянно работая челюстями.

— Ты!.. — медведем взревел Васян и попер на Хорька, сжимая кулаки.

Но тот, едва проглотив добычу, уже шмыгнул за спину хозяина. Жига, наблюдавший за сценой с наглой, хозяйской ухмылкой, лениво выставил руку, преграждая Васяну путь. Он ничего не сказал — просто посмотрел. Одного этого взгляда было достаточно, чтобы остановить разъяренного парня. Васян замер в шаге от обидчика, тяжело дыша, как загнанный бык. Бессильная ярость исказила его веснушчатое лицо.

Недолго думая, я шагнул к нему.

— На.

Васян медленно повернул голову. Глаза его еще метали молнии. Он посмотрел на пряник в моей протянутой руке. Недоумение на его лице сменило гнев.

— Ты чего?

— Ну, ты же мне хлеб давал? Давал. Ну вот: ты — мне, я — тебе, — слегка улыбнувшись, объяснил я. — Все по-честному.

Васька, недоуменно моргая, смотрел то на пряник, то на меня. Мы оба понимали, что моя благодарность вовсе не равноценна его благодеянию: хлеб-то мы едим каждый день, а вот пряники эти дети видят хорошо если раз в год.

— Ладно, спасибо, Сеня! — наконец хрипло выдавил он и осторожно, почти бережно, взял пряник своей огромной пятерней. Несмотря на скупую благодарность, я понял, что он этот момент вряд ли когда-нибудь забудет.

Анна Францевна и Мирон Сергеевич пробыли в девичьем отделении недолго и покидали приют, сопровождаемые воспитателями и воспитательницами. Наконец начальство уехало, провожаемое поклонами, многочисленными благодарностями и деланными улыбками дядек и воспитателя. Пролетка скрылась за воротами, и напряжение, стягивавшее воздух, лопнуло.

Теперь возвратившиеся с улицы служащие приюта не таясь обсуждали итоги визита. У самых дверей, не думая, что их кто-то слышит, переговаривались воспитатель Владимир Фео-

филактович и дядька Спиридоныч, Сделав вид, что подбираю что-то с пола, я бочком-бочком технично протиснулся к ним, прислушиваясь.

— Уф-ф, отбыли, — с облегчением выдохнул Спиридоныч, вытирая потный лоб.

— Не то слово, — устало отозвался воспитатель, поправляя пенсне. — Только визит этот добром не кончится. Слышали, о чем в кабинете говорили?

— А чего там слышать? — хмыкнул Спиридоныч. — Я по-хранцузски, конешно, не разумею, но давно всем ведомо, что у них одно на уме — экономия. Деньгу велено меньше давать. Было тринадцать копеек в день на душу, а теперь на восемь велят кормить. На восемь, Владимир Феофилактыч! Это ж вода одна будет, а не похлебка.

Воспитатель побледнел.

— На восемь копеек? Ужасно. Я отказываюсь это понимать. Дети и так едва на ногах держатся!

— То ли еще будет, — зло процедил дядька. — Рукоделье девичье — все на продажу, до последней нитки. А с учителями, слыхал? Рассчитываться собрались так, чтобы наших же воспитанников им в услужение по очереди давать. За уроки, значит.

— Ну, это уже работорговля, а не попечительство! — взорвался воспитатель. — Безобразие! Я отказываюсь в этом участвовать! — И направился на улицу.

— Им там, наверху, виднее, — махнул рукой Спиридоныч. — Сказали сократить — вот и сокращают.

Услышав это, я только головой покачал. Да нас тут и так кормят на отвали — какая еще экономия?

Вдруг взгляд Спиридоныча остановился на моей физиономии.

— Тропарев! А ну пойди сюда!

Сделав лицо попроще, я подошел, делая вид, что просто прогуливаюсь.

— Чего тут уши греешь? — без церемоний спросил дядька, с нехорошим прищуром глядя на меня.

— А я че? Я ниче! — с честными глазами ответил я.

Спиридоныч смерил меня взглядом, в котором ясно читалось «я тебя, сучонок, насквозь вижу».

— Ну, смотрю, тебе делать нечего. А батюшка Филарет тебе епитимью назначил — десять раз «Отче наш» читать. Начинай!

И тут я понял, что попал. В прошлой свей жизни я не был религиозен.

В голове — абсолютная пустота. Вакуум.

— Я жду, — проворчал Спиридоныч, доставая кисет и начиная делать самокрутку. Нужно было что-то делать. Я откашлялся.

— Отче наше… — Голос прозвучал хрипло и чужеродно. — Иже еси…

И тут случилось странное. Как только я произнес эти первые, вымученные слова, что-то щелкнуло. Тело, долбившее эту молитву каждый день годами, взяло свое, и слова сами полились из меня.

— …на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое…

Я говорил как заведенный. Монотонно, без интонаций. А сам был лишь внешним наблюдателем, слушающим, как тело отбивает заученную программу.

Спиридоныч прикурил и затянулся. Он слушал, и лицо его было мрачным.

— …и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем…

— Стой! — рявкнул он.

Я замолчал на полуслове.

— Ты что мне тут скороговорку устроил? — презрительно процедил он. — Давай с чувством молись, а не тарабань!

— Да нормально я молюсь! — возмущенно ответил я.

— Ты мне тут не дерзи! — прорычал Спиридоныч. — Совсем, я гляжу, от рук отбился! На Выборгскую сторону захотел?!

Память сразу подсказала, что такое «приют на Выборгской стороне», и по спине пробежал холодок… По слухам, это место, где возами расходуют розги.

— Там тебе быстро и гордыню, и бесовщину твою из башки выбьют! — зло прошипел дядька, нависая надо мной. — Там из тебя человека сделают! Шелковый будешь!

И я понял, что нужно изменить тактику. Прямо сейчас, пока реально не схлопотал серьезных неприятностей.

Поднял на него глаза, изобразив самый смиренный вид.

— Я, когда вслух начинаю молиться, все мысли разбегаются. Только слова на языке. А вот когда про себя, каждое слово до самого сердца доходит. Можно, я про себя буду молиться? Чтобы, значит, по-настоящему было!

— Про себя, значит… — проворчал он, уже не так уверенно. — Чтобы дошло, значит… Ладно, — махнув рукой, наконец буркнул он. — Читай про себя, хрен с тобой. Но до самого отбоя чтобы сидеть и не шевелиться!

Он круто развернулся и не оборачиваясь пошел к выходу.

Ну наконец-то! Вместо этого невнятного бормотания хотя бы можно посидеть и спокойно подумать. А подумать мне было о чем!

Ведь завтра в мастерскую. К людям, которые уже один раз пробили мне башку. Плюсом к ним в наличии Жига. Прямо здесь, в этих стенах, даже ходить никуда не надо! Он явно не простит своих побитых шакалов. Будет мстить. Жестоко, по-здешнему.

А над всем этим — самая гуманная в мире система российского призрения. Дядьки, батюшки и приют на Выборгской стороне.

Я сжал кулаки. Никакой силы, кожа да кости. Эх, Сеня, Сеня, чего же ты такой слабенький был?

Впрочем, за ответом далеко ходить не нужно. Каждый миг, что находился здесь, я чувствовал пустой, сосущий холод под ребрами. Голод! Именно он и делал меня слабым. Все упирается в отсутствие нормальной жратвы. Без нее я останусь заморышем, которого может пнуть каждый.

Драться с Жигой — нужна сила. Чтобы выдержать побои в мастерской — нужна выносливость. Чтобы думать, как обмануть эту систему, — нужен ясный ум.

А для всего этого остро требуется главное — еда. Нормальная еда, а не та серая бурда, которой нас кормили.

Ну что, подведем некоторые итоги. Наверно, даже не стоит пытаться понять, как я здесь очутился. Просто принять это как неоспоримый факт. Зато в полный рост стоял другой вопрос: а что мне, собственно, делать дальше?

Просить милостыню? Унизительно. Да и с временем проблема. Мы то в приюте сидим, под присмотром, то по своим мастерским и лавкам расползаемся — учиться, так сказать, постигать азы профессии. Работать усерднее? Что-то сомневаюсь, что за это перепадет дополнительная пайка!

Думай, Саныч, думай… Решение должно быть где-то рядом. Здесь. В этих стенах. Где-то должен быть источник. Место, где еды много.

И ответ был до смешного прост. Кухня. Тут ведь есть кухня! Пойду-ка я попытаю там счастья… На кухне всегда есть что сожрать!

Украдкой оглянулся по сторонам. Дортуар гудел своей жизнью, никто не обращал на меня внимания. Одним кающимся грешником больше, одним меньше — какая разница.

Бесшумно, как тень, я выскользнул в коридор и направился туда, откуда всего час назад нас выгнали — в трапезную.

Здесь было пусто и гулко. Длинные, голые столы стояли в полумраке. В воздухе еще висел кислый дух остывшей каши и дешевого чая. Моя цель — неприметная, обитая войлоком дверь в дальнем конце зала. Из-под нее сочился тонкий ручеек света и доносился едва слышный гул. Оттуда приносили еду. Туда уносили грязные миски.

Я толкнул тяжелую, неподатливую створку и шагнул в другой мир.

В лицо ударил жар — густой, влажный, как в бане. В воздухе стоял натуральный туман — смесь пара от вареной капусты, едкого лукового чада, дыма от шипящего на сковороде прогорклого сала, сладковатого душка мяса и надо всем этим висел мощный дух копоти и застарелого человеческого жилья.

Нда… Ну и видок! Не кухня, а пещера троглодитов какая-то! Низкий сводчатый потолок, черный от сажи, с которого свисала жирная бахрома паутины. Стены, выложенные грубым камнем, вечно мокрые от пара, покрытые слоем въевшейся грязи. Пол, вымощенный треснувшими плитами, липкими от жира и засыпанными слоем грязной соломы, которая чавкала под ногами. В углу стояла огромная деревянная бочка с мутной водой, на поверхности которой плавали щепки и дохлая муха.

В центре возвышалась русская печь. Вдоль стен тускло поблескивали медные котлы и чернели чугунные чаны. С потолочных балок на крюках свисали копченые свиные окорока и длинные, сплетенные в косы, связки лука.

На длинном дубовом столе, чья поверхность была изрублена до состояния лунного пейзажа, творилась кулинарная магия. В стороне, рядом с главным котлом, где булькало фирменное блюдо «Сиротская радость», стояли две оловянные миски побольше. В них, кроме каши, плавали бледные куски требухи. Ужин для «дядек» — чтобы служба медом не казалась. А рядом на относительно чистой тряпице стоял фаянсовый судок с крышкой. Островок цивилизации в этом царстве отчаяния. Из-под крышки пробивался оскорбительно-божественный аромат жареного мяса, грибов и сметаны. Бефстроганов. Пища богов! Видимо, для воспитателя.

У печи, помешивая в общем котле варево огромным, похожим на весло черпаком, стояла крепкая, пышущая здоровьем и очень толстая женщина. Простоволосая — сальные пряди были кое-как скручены в узел на затылке. Лицо глупое и вздорное, с красными от печного жара щеками. Кожа на этих щеках казалась пористой, как у старого апельсина. Сенина память тут же подсказала — это кухарка. Зовут Агафья. Характер скверный. Любит выпить. И сейчас она, скорее всего, прогонит меня подзатыльником.

За столом стоял плюгавенький мужичок с плохо выбритым, испитым лицом: Прохор, «кухонный мужик» — ее помощник и, судя по всему, полюбовник. Он методично, с глухим, ровным стуком шинковал на грязной доске капусту диковинным тесаком с широким лезвием.

Тук… тук… тук…

Агафья, не прекращая помешивать варево, с брезгливым раздражением повернулась в мою сторону. Маленькими, глубоко посаженными глазками смерила меня с ног до головы с тем же радушием, с каким смотрят на выползшего на середину комнаты таракана.

— Что тебе здесь надобно, заморыш? — низким, простуженным голосом протянула она. –Ты что, Прошка, опять засов не задвинул? — это уже мужику. Тот покосился на меня с крайним неудовольствием. Щас точно прогонят!

Ну что, шансов мало, но раз уж пришел — надо попытаться!

— Да я, тетя Агафья, спросить хотел — может, помочь чем? — сказал я, стараясь, чтобы голос жалостливо задрожал. — Могу воду носить, картошку чистить, котлы драить. А у вас, может, найдется корка лишняя?

Агафья перестала мешать, медленно вытащила весло из варева, и с него густо закапала серая жижа. Она оперлась на поварешку, как на копье.

— Корку тебе, значит? — переспросила повариха, и в ее голосе прозвучал яд. — А ну пшел вон! И без тебя тут дармоедов хватает!

Она сделала шаг ко мне.

— Нам тутоти ртов лишних не надобно! Здесь все наперечет! Каждая крошка, каждая плошка. А кто не при деле — тот вор. Ты воровать пришел?

— Нет, работать…

— Не положено! — рявкнула она так, что в котлах, казалось, дрогнула вода. — У кажнего тутоти свое место! Твое — в дортуаре сопли на кулак мотать! А ну, пошел вон отсюда!

Прохор, перестав рубить капусту, поудобнее перехватил шинковку и надвинулся на меня.

— Тебе што сказано, оглоед! Вон!

Спорить было бесполезно. Я молча развернулся и пошел к двери. Она захлопнулась за моей спиной, возвращая в холодную трапезную.

В дортуар возвращаться не хотелось. И я сел на ближайшую лавку. Мозг работал лихорадочно, перебирая варианты.

Что дальше? Жрать-то хочется…

Ловить рыбу в Фонтанке? Чем? Руками? На самодельную удочку из ниток и гвоздей? Все это — выживание.

Чую, опять я пойду по той же дорожке, что и в первую свою жизнь. Потому что единственный надежный источник еды в этом мире — чужая тарелка.

Тень, упавшая на меня, оборвала мысль. Я поднял голову.

Надо мной, перекрывая тусклый свет, стоял Жига. Он наклонился так близко, что до меня донеслось его кислое, тяжелое дыхание.

— Сенька, — прошипел он, кривя губы в усмешке. — Смотрю, ты тут все молишься. Правильно. Молись!

Он выдержал паузу, явно наслаждаясь моментом.

— Завтра в мастерской мы тобой займется. Ходи да оглядывайся! Всю дурь из башки выбьем!

Он наклонился еще ниже, почти касаясь моего уха.

— Навсегда.

Жига выпрямился, хмыкнул и не оборачиваясь лениво ушел к своей кодле. У двоих были перевязаны ноги, и они хромали при каждом шаге, вот уж кто со злостью и ненавистью на меня смотрел.

«Плохо, конечно, но и не таких оленей мы валили на охоте, — промелькнула мысль. — *Будет новый день, а там посмотрим»*.

Глава 5

Глаза открылись сами, за мгновение до того, как скрипнула дверь.

В спальне было темно, я лежал, слушая дыхание спящих пацанов.

Слабость во всем теле была такая, что хоть вой.

«Ничего, — подумал я, сжимая и разжимая кулаки под дерюгой. — Мясо нарастет. Главное — голова на месте».

По проходу, тяжело ступая, уже шел дядька-надзиратель и методично, с ленивым садизмом лупил палкой по спинкам кроватей.

— А ну вставай, рвань, — уныло бубнил он. — Вши уже проснулись, а вы дрыхнете.

Я сел, за секунду до того, как палка опустилась на мою койку. Дядька прошел мимо, даже не взглянув.

Минута и в дортуаре начался шум и гомон, недовольных и еще спящих на ходу пацанов.

Как только все встали, пришлось топать в умывальню. Это был темный закуток с цинковым корытом. Вода ледяная, аж скулы сводило.

Мальчишки толкались, визжали, норовили пихнуть друг друга. Какой-то вихрастый заехал мне локтем в бок:

— Куда прешь!

Я даже не повернулся. Тратить силы на щенка? Много чести.

Просто ввинтился в толпу и оказался у воды.

Плеснул в лицо, смывая остатки сна. Фыркнул.

«Притворись ветошью, Саныч. Не отсвечивай».

В коридоре гулко, надсадно ударил колокол.

Звук проехался по нервам, вызывая мгновенное выделение слюны. Павловские рефлексы, мать их. Толпа, только что вялая и сонная, рванула к дверям столовой, давя друг друга. Стадо бежало к кормушке.

Я занял место с краю, спиной к стене.

На завтрак дали затируху — мучную болтушку на воде. В ней сиротливо плавали ошметки чего-то зеленого. Плюс ломоть черного, кислого хлеба.

На таком далеко не уедешь, но выбора не оставалось. Приходилось жевать.

— Строиться! На выход! — рявкнул Ипатьич, ковыряя в зубах.

Натянув картуз на самые глаза, я попытался ссутулиться, изображая забитого сиротку. Но всем нутром чувствовал, не выходит.

Двор встретил сыростью и туманом. У ворот уже топтался Спица, озираясь по сторонам.

«Вот и мой проводник. Осталось лишь уболтать его. Чтоб эта белобрысая Ариадна показала путь».

Я сделал пару шагов и картинно схватился за висок.

— Эй... Спица, — позвал я. — Погоди-ка.

Пацан глянул на меня.

— Постой, — сказал я как можно спокойнее. — Ты на работу?

— Ну да, в лавку. А что?

— Да я, братец, что-то дороги толком не помню. Проводишь?

Спица удивленно вскинул брови.

— Ты чего, Сень? С дуба рухнул? Уж года два туда ходишь!

— Голова еще кружится, — соврал я, не моргнув глазом. И коснулся виска показывая. — Все как в тумане.

Спица нахмурился, критически глядя на меня. Но затем в глазах его появилось сочувствие.

— Ладно. Пошли, провожу твое благородие. Только давай живее, а то с меня шкуру спустят за опоздание!

Я кивнул, и мы вместе зашагали к выходу.

— Держись правее, — проговорил Спица лавируя в толпе.

Я молча следовал за ним, пытаясь не вляпаться ни в какую кучу. Вокруг стоял зубодробительный грохот, который здесь называли уличным шумом. Железные обода телег, пролеток и экипажей грохотали по камню. Создавая адскую какофонию. Одна-единственная пролетка создавала больше шума, чем десяток автомобилей! Этот грохот прорезали только хриплые, яростные крики извозчиков:

— Па-ади! Пади! — этакий местный аналог клаксона.

Мы вышли на широкую улицу. Мимо со звоном и лязгом медленно проползла вершина технологической мысли, трамвай на био-тяге, или, как его тут звали, конка. Пара замученных кляч тащили по рельсам набитый людьми вагон.

Экологичненько так. Мечта современной зоошизы. Вот бы сюда всех этих блаженных на пару деньков… Сразу бы мозги прочистились, — пронеслось в голове.

Мы проходим мимо артели мужиков в лаптях и рваных рубахах. Они на коленях, с тоской на бородатых лицах вручную укладывали булыжник в грязное месиво дороги.

Я посмотрел на их сбитые в кровь руки, усталые пустые глаза. Кому-то в грязи ковыряться, мостовые делать, кому-то ездить по ним. Просто конные коляски сменили шестисотые мерины.

Добро пожаловать в прекрасное прошлое. Кажется, меня уже от него тошнит.

Наконец, Спица свернул в переулок. Здесь уже не так грохотали экипажи.

— Отчаянный ты, Сенька. У меня-то еще лафа, — сочувственно проговорил он. — Целый день ленточки да пуговки перебираю в галантерейной лавке. Скука смертная. Хозяйка за каждой копейкой следит. Но хоть тепло и по башке не стучат.

— Ну, что не убивает, делает нас сильнее, — хмыкнув, произнес я себе под нос.

— Чего? — с непониманием покосился на меня Спица.

— Переживу как-нибудь, говорю. А как остальные? — перевел я тему.

— Ты что, правда не помнишь? — нахмурился он.

— Говорю, голова трещит все время! — раздраженно ответил я.

К счастью, Спица не обиделся.

— Да ладно тебе... Ну, в общем, у нас все при деле. Мямля наш в банях на Невском прописался. За копейку туши купеческие парит да веником охаживает. Жаловался на днях: какой-то барин его чуть этим самым веником не пришиб. Показалось ему, что Мямля над ним... Над его достоинством рассмеялся. А тот просто икнул не вовремя.

Я снова хмыкнул. Отличная перспектива у этого Мямли: умереть на рабочем месте из-за производственной травмы, нанесенной распаренным клиентом с комплексами.

— Васян конопатый, что в скобяной лавке служит, опять с приказчиком сцепился на неделе. Так Васян ему немного подправил мордас. Он же здоровый, сам знаешь. Выгонят его оттуда, как есть выгонят!

— А Грачик где? — вспомнил я сутулого.

— В типографии. Буковки свинцовые в строчки набирает. Работа непыльная. Только пальцы все время черные да кашляет он постоянно. От свинца, говорит. Зато помрет тихомирно, не то что мы с тобой.

— Да ты, я смотрю, нос не вешаешь! — шутливо ударил его по плечу. Он вздохнул и посмотрел на меня с искренней жалостью, как на приговоренного.

— Оно, конечно, Сенька, у нас у всех будущее не сахар. Но ты, брат, самый несчастливый билет вытянул. Остальные-то просто на каторге, а ты — на каторге у самого черта. Вишь, как он тебя приложил…

— Ничего. Буду внимательнее. Напильником железо шкрябать дело нехитрое, — мрачно ответил я.

Спица как-то странно покосился на меня.

— Чудной ты стал, Сеня. Рассуждаешь, будто не от мира сего. И правда пришлый.

Разговор заглох. Сенина память наконец-то соизволила проснуться и подсказать, что мы подходим к нужному переулку. В конце его виднелись массивные, глухие ворота. Из-за ворот что-то громко ухало. Гм. Похоже, не зря так и называют, Глуховская. Тут оглохнешь…

— Ну, вот и причапали. — Спица остановился, не решаясь подойти к воротам ближе. — Узнаешь мастерскую-то?

— Спасибо, Спица, — ответил я. — Выручил!

А пацан, похлопав меня по плечу сочувственным жестом, быстро пошел дальше по улице, к своей скучной, но относительно безопасной жизни — к ленточкам и пуговкам. Мне бы так!

Над входом громоздилась вывеска: **«Механическая мастерская купца 2-й гильдии Глухова»**.

Это была не деревенская кузница. Это был завод в миниатюре. Огромное, длинное помещение, забитое людьми. Человек тридцать, не меньше. Настоящий муравейник. Под закопченным потолком крутясь тянулся длинный стальной вал. От него вниз, к станкам, шли десятки кожаных приводных ремней. Они хлопали, свистели, крутили точила и сверлильные станки. Все дрожало, лязгало и выло. Стены вибрировали.

К оглушению добавилась головная боль, а потом меня накрыли воспоминания Сеньки, которые показали, кто есть, кто.

В мастерской царила жесткая иерархия. Самого купца здесь, конечно, не было. Здесь имелся другой бог. В дальнем конце цеха на высоком помосте в застекленной будке сидел Игнат Сидорович Карежин — старший мастер и управляющий. Сухой старик в сюртуке. Он смотрел на копошащийся внизу люд сверху вниз как коршун. Его боялись все: и ученики, и подмастерья, и мастера.

А внизу, «на земле», цех был поделен на зоны влияния. У огромных горнов командовал Кузьмич — черный от копоти гигант. У токарных станков — желчный старик Петр Ильич. На сборке суетился Горбунов.

А прямо посреди прохода, на слесарном участке, стояли двое. Первый мастер Семен. Он отвечал за черновую слесарку — петли, скобы, грубые замки. Вторым был мастер Федор.

Вокруг кипела работа.

«Так, — скомандовал я себе. — Аккуратненько и незаметненько».

И шмыгнул к своему верстаку в самом темном углу, стараясь слиться со стеной. Но не вышло.

— О! Гляди-ка! — раздался над ухом глумливый бас. — Воскрес падаль!

Семен стоял надо мной, уперев руки в боки.

— Я думал, ты сдохнешь, — разочарованно протянул он. — Живучий гад...

Он покосился наверх, на будку Карежина. Старик как раз смотрел в нашу сторону. Семен тут же изобразил бурную деятельность: порылся в ящике с браком и швырнул на мой верстак ржавую, кривую дужку от замка.

— Обдирай. Чтоб к вечеру блестела! И в размер чтоб попал! Если Игнат Сидорович брак найдет — я тебя в горне у Кузьмича сожгу! Понял?!

Следом на верстак полетел напильник.

— Держи.

Жига, который тоже работал в этой мастерской, оказался за соседним верстаком, хотя обычно батрачил дальше. Он был в любимчиках у Семена и бегал ему за водкой. Пацан усмехнулся, глядя на меня, рядом с ним загоготал Секач — подмастерье.

— Работать! — рявкнул Семен на всех и пошел дальше.

Я покорно кивнул, шмыгнул носом, руки уже крутили заготовку, зажимая ее в тиски. Губки убитые, держат плохо, пришлось подкладывать щепку, злость внутри закипала.

Я повертел напильник в руках. Если тереть плоскостью — толку ноль, буду только гладить металл.

«Хрен вам, — зло подумал я. — Не дождетесь».

Нужно искать грани.

Я наклонил инструмент под углом. У самой кромки, на ребре, сохранилось немного насечки. Совсем чуть-чуть, но она там была, злая и острая.

«Значит, будем работать краем. Врезаться. Снимать по миллиметру».

Взяв этого инвалида слесарного труда, еще раз проверил, с какой стороны насечка поживее, и налег на инструмент.

Вззи-ик... Вззи-ик...

Звук был противный, скрежещущий, от него сводило зубы. Тощие плечи сразу отозвались болью. Натурально, я тут же начал потеть, сопеть и кривиться от натуги. Ну и отлично: пусть видят, как мне тяжко, как трясутся коленки и с носа капает пот. Им это нравится.

Но руки делали дело.

Угол, нажим, движение. Угол, нажим, движение.

Медленно, неохотно, но металл начал поддаваться. Появилась первая светлая полоса на ржавой заготовке.

Я работал, не поднимая головы. Вживался в ритм.

Вззи-ик... Вззи-ик...

«Ничего, — думал я, слизывая соленый пот с губы. — Терпи, босяк, хулиганом будешь. Бывало, в грязи сутками лежали, и ничего. А тут тепло, крыша есть. Выживем».

Семен, проходя мимо, пнул.

— Шевелись, дохляк! К вечеру не сделаешь — получишь у меня.

Не отвечая, я зашаркал инструментом быстрее, пряча взгляд.

Внезапно гул станков перекрыл звонкий удар по рельсе.

— Обед!

Цех выдохнул. Толпа повалила во двор. Обед здесь был священным временем.

По нынешним временам горячая еда в середине дня — это роскошь, которую Глухов давал. Во дворе уже стояла телега с котлом. Рядом — кухарка Маруся. Очередь двигалась строго по чину. Сначала — мастера. Семен, Федор, Кузьмич, Горбунов. Они ели степенно, сидя на лавке, и им Маруся клала мясо. Потом — подмастерья и наемные рабочие, городские ученики. Они доставали из узелков свои пироги и яйца, принесенные из дома. И только в конце — мы, приютская рвань.

Я получил свою пайку. Мутная вода, капуста. Хлеб черствый. Я отошел к поленнице. Живот сводило. Вдруг повезло. В жиже всплыл кусочек мяса! Маленький, жесткий, но мясо. Сердце екнуло. Я потянул ложку ко рту... Хрясь!

Удар деревянной ложкой по пальцам. Мясо плюхнулось обратно. Надо мной нависла туша. Секач. Рядом ухмылялся Жига и еще пара приютских из его свиты.

— Делиться надо, гнида, — пробасил Секач. Его ложка залезла в мою миску. Он выудил мой кусок и сожрал, глядя мне в глаза. — Вкусно.

Рука дернулась.

«СТОП!» — заорал мозг.

Обидно было до скрежета зубовного.

«Не потянешь ты сейчас, Саныч. Не потянешь, — признался я себе. — *Потом!»*

Я медленно выдохнул. Расслабил плечи.

— На здоровье... — прошептал я.

Секач загоготал и пошел к своим.

«*Жри, тварь. Проценты будут страшными*».

После обеда я продолжил точить деталь, экономя силы. Она была почти готова — гладкая, в размер.

Отошел к бочке попить воды. Меня не было всего минуту. Я вернулся к верстаку и замер. В тисках была зажата не моя деталь. Вместо аккуратно выведенной дужки там торчал уродливый кусок железа. Глубокие, рваные царапины перечеркивали всю работу.

Я медленно поднял глаза и обвел взглядом цех.

КТО?

У стены, ковыряя в зубах щепкой, стоял Жига. Он смотрел на меня и ухмылялся. Глаза наглые, довольные. А руки... Руки у него были в свежей металлической пыли.

«Ага. Вот и крыса».

Я шмыгнул носом, вытирая несуществующие сопли, и снова взялся за лысый напильник. Начал счищать зарубки с испорченной детали. Придется продолжать скоблить, делать ее тоньше… Но я сделаю.

«*Ладно,* — сказал я себе. — *Правила ясны. Правил нет. Вы хотите войны? Вы ее получите. Но воевать мы будем не силой. Силы у меня нет*».

Исподволь посмотрел на Жигу, потом на спину Семена. Ничего. Дождетесь, сволочи.

«*Нет, я не буду искать правду. Просто сделаю так, чтобы вам стало больно. И вы даже не поймете, откуда прилетело*».

Я сильнее нажал на напильник. Злость ушла, осталась работа. Час за часом, медленно, по миллиметру, я вытачивал деталь.

— Шабаш! По домам!

Все начали суетиться с вениками и ведрами для мусора. Подняв голову, я увидел, как Жига подмигнул своим подпевалам, они быстро собралась и вышли первыми.

Слишком быстро.

«Ждут, — понял я. — Стоят сейчас за углом. Хотят добавки».

Я не стал спешить.

— Ты чего копаешься? — буркнул Семен, проходя мимо.

— Убираюсь, мастер! Чтоб чисто было!

Уходя, сгреб ладонью со своего верстака кучку мусора. Это была натуральная адская смесь: острая стальная стружка, наждачная крошка, мелкая, как пудра, металлическая пыль.

Натянул картуз, ссутулился и пошаркал к выходу. Внешне — забитый, испуганный мальчишка, боящийся собственной тени. Внутри — пружина, сжатая до предела.

«Думаете, будет весело? — холодно подумал я. — Будет».

Выйдя за ворота, я сразу свернул в переулок.

Шаги за спиной раздались почти мгновенно. Хлюп-хлюп-хлюп. Не таились. Шли уверенно, по-хозяйски. Прошел еще десять метров и остановился.

Ведь на меня вышли двое…

— Ну что, Сенька, — прошипел Жига сзади. — Добегался.

Глава 6

Я, медленно встав к нему вполоборота, чтобы держать в поле зрения всех, включая двойку спереди, спросил**:**

— Чего тебе, Жига? Скучно стало?

Он остановился в паре шагов и явно чувствовал себя хозяином положения. Рядом с ним злобно скалился мелкий гаденыш, Хорек. А путь из переулка мне перекрыли долговязый Щегол и плотный, покрытый оспинами Рябой.

— Должок за тобой, Сенька, — процедил Жига, сплюнув мне под ноги. — Ты моих ребят в дортуаре попортил. Федька с Гришкой теперь с пробитыми лапами ходют еле-еле.

Он сделал шаг ближе.

— Ты, гнида, порядка не знаешь. Старших не уважаешь. А порядок — он на уважении держится. Вот мы тебе сейчас объясним, как себя вести надо. Чтоб на всю жизнь запомнил!

Они ухмылялись, предвкушая легкую расправу.

Вот только я сдаваться был не намерен и, оглядев их, начал свою игру.

— А вы чего, шакалы? — бросил я подпевалам, выигрывая секунды. — Долго еще перед ним шапку ломать будете? Лизоблюды жиговские… Он жрет в три горла, а вы объедки подбираете.

Улыбка сползла с лица Рябого.

— Пасть закрой, вша! — рявкнул он.

Жига лишь рассмеялся.

— Ишь, как запел. А язык у тебя длинный, Сенька... Придется укоротить.

— Что, Жига, — снова повернулся я к нему, — а сам-то? Один на один слабо? Без стада ссышься?

Лицо Жиги налилось кровью.

— Много чести тебе, — зло бросил он. — Хватит лясы точить!

Он кивнул, и они двинулись на меня спереди и сзади.

Дистанция сокращалась. Три метра. Два.

Не став их дожидаться, я развернулся и рванул навстречу Щеглу и Рябому.

Резкий взмах правой рукой — и я разжал кулак прямо перед лицом Щегла.

«Адская смесь» — металлическая пыль, окалина и острая стружка — веером полетела ему в глаза.

— А-а-а-а! — взвыл пацан, бросая палку и хватаясь за лицо.

Не останавливаясь ни на долю секунды я с ходу, без замаха, всадил носок ботинка ему между ног. Щегол с воем повалился набок, освобождая проход.

Оставался Рябой. Он опешил, не ожидая от меня такой прыти. Этого мгновения мне хватило.

Прыжок — и острый, костлявый локоть снизу вверх врезался ему в скулу. Удар получился что надо, голова мотнулась, он пошатнулся, теряя ориентацию.

Путь свободен! И я рванул вперед, проскакивая между обоими.

Легкие обожгло огнем. Впереди был свет улицы. Еще десять метров... Но чуда не случилось. Это тело было слишком слабым. Сенька недоедал годами. Ноги налились свинцом, дыхание сбилось на хрип. А за спиной я услышал тяжелый, быстрый топот.

Тяжелая лапа рухнула мне на плечо, рванула назад. Меня крутануло. Я не стал сопротивляться инерции — наоборот, использовал ее. Разворачиваясь, вслепую наотмашь выбросил кулак, целясь в лицо врага. Костяшки чиркнули по скуле Жиги. Он рявкнул, но не отступил. Навалился всем весом, сшибая меня с ног и впечатывая спиной в стену. Тут же сбоку налетел подоспевший Хорек, хватая меня за руки.

Конечно, на что еще этот сученыш годен?

— Держи его! — хрипел Жига, прижимая меня к кирпичам предплечьем.

Нас скрутило в один рычащий клубок. Силы были неравны, но я еще трепыхался. Жига приблизил свое лицо к моему.

— Ну все, гнида, — просипел он. — Допрыгался.

Я не стал ждать и резко мотнул головой вперед. Лбом — прямо ему в переносицу.

ХРЯСЬ!

Звук удара прозвучал сухо и страшно. Жига захлебнулся криком. Из его носа хлынула темная кровь, заливая рот и подбородок. Он инстинктивно отшатнулся, хватаясь за лицо. Это был мой шанс. Я дернулся, пытаясь вырваться из захвата Хорька, и даже успел пнуть его пяткой в голень. Но Жига был крепким парнем. Боль лишь привела его в бешенство. Сплевывая кровь, он снова кинулся на меня. Теперь в его глазах не было куража — только желание убивать.

— Убью! — взревел он и замахнулся кулаком, метя мне в висок.

Я дернулся, но Хорек держал крепко. Увернуться я не успевал.

«Конец», — мелькнула холодная мысль.

И тут тишину разорвал истошный, панический крик:

— ГОРОДОВОЙ!

Из-за угла, размахивая руками, вылетел Спица.

— Городовой со Стременной бежит! Сюда! Бежим, братцы!

Крик был таким натуральным, таким испуганным, что Жига замер. Его кулак застыл в сантиметрах от моего лица.

— Сука... — выдохнул Жига, озираясь. Попасться полиции мало приятного.

Он зло глянул на меня бешеными глазами, утирая кровавые сопли.

— Бежим, Сенька!

Спица подхватил меня под руку, и мы понеслись со всех ног. Погони за нами не было.

Наконец, пробежав метров сто, мы заскочили в подворотню.

— Видал… как я их? — тяжело дыша, прокричал Спица, и в его голосе слышна мальчишеская гордость. — Про городового-то… Сбрехал, конечно.

Этот тощий, лопоухий парень только что спас мою шкуру. Не силой, которой у него не было. Умом и находчивостью.

Пытаясь отдышаться, я только кивал, и лишь спустя минуту смог подать голос:

— Молодца, Спица! — хрипло ответил я. — Здорово ты придумал. Голова у тебя варит!

Выглянув из подворотни и не заметив ничего подозрительного, мы отправились в приют. Шли, ныряя из одной темной подворотни в другую, пересекая глухие дворы-колодцы, где эхо наших шагов тонуло в сырой тишине Спица держался рядом. Все еще взбудораженный, он то и дело оглядывался, ожидая погони.

— А я из лавки-то шел, мимо тебя как раз. Ну и вижу, драка идет! Как увидел, что они на тебя одного... Думаю, все, конец Сеньке... — Он нервно сглотнул. — А потом про городового как-то само придумалось. Испугался, жуть.

— И правильно сделал. Испугался, но прибежал и помог. Не всякий бы так сделал! Это главное.

— Здоровые они, черти! — пессимистично заметил Спица, вновь оглядываясь, не гонятся ли за нами. — Зря ты с Жигой закусился. Не теперь, так в другой раз застукают!

— Да, здоровые, что есть, того не отнять, — проворчал я больше для себя, чем для него. — Потому что жрут больше!

Спица согласно кивнул.

Мы помолчали, выходя на более широкую улицу. Боль в боку не утихала.

— Слышь, Спица. Я тут слышал… — понизил я голос до заговорщицкого шепота, будто у попечителей деньги кончаются. Говорят, на наш прокорм содержание урежут. Значит, нам еще меньше давать будут.

Глаза Спицы расширились. Перспектива того, что казенная бурда станет еще жиже, была пострашнее любой драки.

— Да ну? Правда, не врешь? Куда еще меньше-то? — пролепетал он.

— Правда. Вот и я о том же, — жестко сказал я, останавливаясь и глядя ему прямо в глаза. — Надо что-то делать. Хватит ждать, пока нам в миску бурды нальют. Самим добывать надо. Чтобы сильными быть. Чтобы такие, как Жига, нас ногами не пинали.

Слова подействовали. Страх в его глазах сменился неподдельным интересом.

— Самим? Это как?

— Рыбу ловить. Голубей на крыше бить. Мало ли способов?

— Рыбу… — Он вдруг оживился, глаза его загорелись. — Отец меня учил верши плести. Из ивовых прутьев. Такие ловушки, в них рыба сама заходит, а выйти не может.

Вот оно, прекрасный вариант! Дешево и сердито.

— Отлично, — кивнул я. — Это дело. Прутья найдем. Но вдвоем нам не справиться. Кто еще у нас не из *их* кодлы? На кого положиться можно, чтоб лишнего не болтал ни дядькам, ни остальным?

Спица наморщил лоб, задумался.

— Васян, — уверенно сказал он. — Он Жигу ненавидит. Грачик, тот себе на уме, но зря болтать не станет. Ну, Мямля еще. Но он не драчун…

О, уже что-то. Благо они мне были знакомы, а с Васяном я и вовсе мосты навел!

Вернувшись в дортуар, сделал вид, что все в порядке. Правда, поймал на себе взгляд Жиги, который не обещал ничего хорошего. И с этим надо будет срочно решать: или валить из приюта, или валить Жигу. Надо думать.

Со Спицей же удалось пошептаться чуть позже.

— Во время службы, — прошипел я ему на самое ухо. Как только затянут свое — валим по одному. Встречаемся в ватерклозете, предупреди парней, понял?

Спица коротко, почти незаметно кивнул и пошел дальше.

В этом казенном доме любое тайное дело лучше всего вершится под прикрытием благочестия. Пока Ипатьич завел молитву, а сорок сонных глоток нестройно ему подвывали, я подал условный знак. Кивок в сторону самого темного закутка за печкой.

Сначала подошел Спица. Потом, переглянувшись со мной, отделился от стены Васян. Последним, чуть помедлив, скользнул Грачик. Мямля не пошел — молитва реально захватывала его с головой. Ладно, пока без него. Потом расскажем, что к чему.

Один за другим мы скользнули в ватерклозет. Именно здесь протекали все тайные дела приюта — споры, игры и договорные драки. Но и здесь говорить можно было только шепотом — любой звук мог привлечь внимание.

Мы сгрудились в тесном, вонючем закутке.

Я обвел всех троих взглядом и тихо спросил, так, чтобы перекрыть звук капающей воды:

— Ну что, ребята, жрать хотите?

И усмехнулся, не дожидаясь ответа.

— Я — постоянно. Так, что кишки узлом вяжутся. А теперь новость. Скоро будет еще веселее. Кормить нас станут еще хуже.

Выдержав паузу, глядя на их помрачневшие лица, продолжил:

— Теперь угадайте, что первым делом сделает Жига, когда пайки урежут?

Грачик и Спица переглянулись. Васян молча сжал кулаки.

— Правильно, — кивнул я. — Он начнет отбирать еще больше. У нас с вами и младших. Он потому и сильный, что жрет больше. А мы вконец загнемся.

Я снова посмотрел на каждого, буквально вбивая мысли, как гвозди, в их головы.

— Так вот, я предлагаю это поменять. Хватит ждать подачек. Будем держаться вместе. И кормиться сами.

Спица тут же поддержал меня:

— Мы рыбу ловить будем. У меня руки помнят, как верши плести.

Васян не говорил ничего. Он просто посмотрел на свои огромные, в ссадинах, кулаки, потом на меня. И чуть заметно кивнул. Это был ответ. Да.

Но тут подал голос Грачик. Он слыл самым осторожным из нас.

— Погодите, ребята. Мысля, конечно, хороша. Жрать хочется так, что кишки сводит. Но ты все продумал, Сенька? Дело-то непростое!

Он начал загибать длинные, тонкие пальцы.

— Прутья для вершей где брать? Тащить в дортуар? Где их плести? На койке? А рыбу… Допустим, поймаем мы рыбу. Где ее чистить? Прятать где? Запах же по всему дортуару пойдет. Дядьки нас с ними застанут и выпорют до крови, а то и на Выбогскую отправят.

Он посмотрел на каждого из нас по очереди, и его колючий взгляд охладил весь наш пыл.

— Сейчас лето, прутья найти мы сможем. И на месте связать все и спрятать. Там же рыбу почистим и на костре пожарим. Вот только ты прав, ее прятать где-то надо будет, не таскаться же каждый раз, — протянул я.

Наступила тишина. Воодушевление скисло, упершись в глухую стену казенного порядка.

Перспектива получить палок или билет на Выборгскую никого не привлекала.

— А может... — первым нарушил молчание Спица, его шепот был неуверенным. — Найти где-нибудь угол? Сарай какой, я не знаю…

— Дровяной сарай есть, — тут же подсказал Грачик, — но он через весь двор. Нас любой увидит. И Прохор, кухонный мужик, туда за дровами ходит. Он в любой момент зайти может, да и остальные с глазами.

Тупик.

— Хорошо, — нехотя признал я. — Сарай отпадает. На улице под кустом тоже не выйдет. А здесь, внутри? Коморка какая-нибудь? Темный ход, каким прислуга раньше бегала, когда это еще господский дом был?

Спица и Грачик переглянулись.

— Есть тут... кладовка, — неуверенно протянул Спица, вспоминая. — При кухне. Старая. Но она на засове всегда.

Я усмехнулся. Наружный засов. Это даже не замок.

— На засове, говоришь? Кхм…

Посмотрел на их растерянные лица, и в полумраке ватерклозета они, наверное, увидели на моем лице хищную, совершенно не свойственную прежнему Сеньке улыбку.

— Это мы поправим. Ждите здесь, — прошептал я и кивнул Спице.

Мы выскользнули из сортира на разведку.

Первым делом я заскочил в дортуар и вытащил из тайника под кроватью гвоздь, дальше прямиком в трапезную и мимо гудящей жаром кухни. В самом конце коридора, там, где вечно сваливали в кучу сломанные стулья и дырявые ведра, была она. Маленькая, низкая дверь, которую все принимали за стенной шкаф. Дверь в кладовую.

Она была заперта.

— По сторонам гляди, — бросил я Спице.

Он нервно закивал и прильнул к стене, глядя в оба конца коридора.

Палец нащупал узкую щель между дверью и косяком. Просунув туда гвоздь, я уперся острием в твердое дерево засова. Тихо, миллиметр за миллиметром, начал давить, двигая рычаг вверх. Скрежет. Еще усилие. Пот выступил на лбу. Дерево поддавалось нехотя, со скрипом, который в гулкой тишине коридора казался оглушительным.

И тут — глухой щелчок. Засов выскочил из паза.

Ура, победа.

Мы просочились внутрь. Кладовка.

В полумраке белели ряды мешков с крупой и мукой, свисали с потолка связки лука. Я мысленно поставил галочку. Это не просто проход. Это продуктовый склад.

Но главная цель была в другом. В дальнем углу, за мешками, темнел узкий проем, из которого несло сквозняком. Крутая, узкая лестница для прислуги, уходящая во тьму наверх.

— Лезем, — скомандовал я.

Подниматься было жутко. Ступени скрипели под нашим весом, как кости старика. Лицо то и дело задевала липкая, толстая паутина. Наконец, моя голова уперлась во что-то плоское. Люк. Я толкнул его, и он подался вверх с облаком вековой пыли, которая тут же посыпалась нам в глаза и рты.

Мы попали в царство пыли, голубиных гнезд и забытых вещей.

Чердак был огромен. Гулкое, сумрачное пространство под самой крышей, теряющееся во тьме. Под ногами скрипели толстые доски. Вдоль стен громоздились силуэты сломанной мебели, накрытой белыми саванами чехлов, стопки пожелтевших книг, ржавые детские кроватки.

И свет.

Через маленькое, засиженное голубями слуховое оконце и несколько щелей в крыше пробивались косые столбы света.

Подойдя к оконцу, я стер рукавом слой грязи со стекла. Внизу как на ладони лежал приютский двор.

Тот самый двор, где вчера мы строились для похода в церковь. Теперь я смотрел на него сверху вниз.

— Ничего себе… — выдохнул Спица, пристраиваясь рядом. — Вот это да… местечко! Уж сюда-то точно никто не заглядывает!

Он восхищенно озирался по сторонам, уже представляя, как они будут здесь хозяйничать.

А я смотрел вниз и думал. Появились совсем неплохие перспективы, осталось только реализовать.

Глава 7

Мы замерли, привыкая к полумраку. Чердак был завален хламом, копившимся здесь, похоже, еще со времен отмены крепостного права. Сломанные стулья, какие-то сундуки, рамы от картин…

— Тихо ты, — шикнул я на Спицу, когда под его ногой предательски хрустнула какая-то щепка. — Ступай след в след.

Я прошел чуть вперед, проверяя настил. Доски были толстые, надежные, хоть и покрыты слоем пыли толщиной в палец. В дальнем углу, за кирпичной трубой дымохода, образовалась отличная «мертвая зона» — снизу от люка ее не видно, даже если кто сунет с лестницы на чердак голову.

— Отлично! — прошептал я. — Здесь и слона спрятать можно, не то что верши.

— Ага… — выдохнул Спица, восторженно оглядывая горы рухляди. — А если тут еще поискать? Вдруг чем разжиться сможем?

— Нам сейчас одно надо, чтоб нас не приметили, — остудил я его пыл. — Осмотрелись — и назад. Нечего тут искать.

Еще немного потоптавшись, нашли вторую лестницу и выход для прислуги, который был закрыт. Стараясь не тревожить вековую пыль, спустились обратно.

Я снова просунул гвоздь в щель, поддевая язычок засова. Щелк... Дверь встала на место, выглядя так же неприступно, как и пять минут назад.

В ватерклозете Васян нервно хрустел суставами пальцев, Грачик мерил шагами тесный закуток, зажимая нос рукавом.

— Ну? — выдохнул он, едва мы появились. — Нашли?

— Нашли, — кивнул я, прикрывая дверь плотнее. — Чердак над кухней. Вход через кладовку. Места — вагон.

Глаза у пацанов загорелись. Свой угол в казенном доме — это неслыханная роскошь. Это, мать ее, свобода!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.